

10-го марта 1930 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

53 ✓

10-го березня 1930 р.

Р Р А Н А

РІК ВИДАННЯ 3-ий

М. Битинський

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Людмила Костина: Встречи случайные.
 2. Ис. Быкадоров: Донской казак — Тимофей Разин.
 3. Константин Поляков: * * Стихи.
 4. С. Савицкий: Розлука.
 5. Ю. Питон: * * Стихи.
-
6. Плохой юбилей.
 7. И. Билый: Т. Г. Масарик и Казачество.
 8. С. Бальков: Неизвестный чех.
 9. Инж. В. Бейсуг: Пессимизм и оптимизм в условиях нашей жизни.
 10. О. Долинский: П. Истрати обличителем большевизма.
 11. Я. Лопух: Пауки.
 12. Шалвур Ниминов: Цаганные воспоминания.
 13. Сергей Макеев: Обормоты.
 14. Думы и мысли.
 15. Печать.
 16. Иностранцы о казаках.
 17. Казачья эмиграция.
 18. В Казачьих Землях.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Розыски.

Розыскивает хуторцов и станичников Емельян Федорович Кочетов. (Станицы Вешенской, хутора Ващаева или Ушакова). Прошу откликнуться по адресу:

Polsko m. Augustow ul. Krakowska 18.
Emeljan Koczetow.

Константин Ачмизов (Югославия, Великий Бечкерек, III) розыскивает казака ст. Чамлыкской (куб.) Андрея Тимофеевича Лахтина.

1-ый Флейтист

военного оркестра в Скопле и театра Короля Александра после восьмилетней непрерывной службы, 15 мая заканчивая последний свой контракт, желал бы вступить в солидный частный оркестр.

Адрес: Jugoslavia, Скопле, Наредник музичар
Петр Апостолов.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В ПОДЄБРАДАХ: Ф. М. Штовхань.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов.

С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

А. Шапошников. Сливен.

Санжа Мукукенов (для калмыков).

София, кв. Хаджи-Димитров, ул. Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундюцков. Београд, Драгачевска, 15

Ф. Г. Polkovnikov. Zagreb, Kunišćak, „Ruski dom“.

А. П. Чорный. — А. Čorny. Drvar, Vrbaska Ban.

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Tomaševac (Banat).

ВО ФРАНЦИИ.

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff).

Le Grillon, Cagnes s'm. France.

С. Б. Аршинов (район Лиона).

M-eur Archinoff. Maison Bel-air, 22, à Dècines.

С. К. Поляков. — M-eur Polakoff. Rombas.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, rue Jemmapes, 20.
Marseille.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff).

21. rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В ПОЛЬШЕ:

Вл. Еремеев.

W. P. Wl. Jeremiejew, Grajewo, Strażacka, 3.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew,

Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В РУМЫНИИ: В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff. Cluj, Str. Baba Novac, 23.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhošťská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 53

Прага, понедельник 10-го марта 1930 г.

№ 53

Людмила Костина. (Югославия).

ВСТРЕЧИ СЛУЧАЙНЫЕ.

Снова мне слышатся стройные речи,
Снова куда-то стремятся мечты...
Странные встречи, случайные встречи,
Сколько в них яркой, живой красоты!
Полночь. Склоняются бледные лица,
Душно в вагоне, стекло дребезжит,
Ночь словно черная жуткая птица,
С поездом рядом безшумно летит...
В сумраке тусклом так ласково, нежно,
Близко так светятся чьи-то глаза;
Тени дрожащие бродят небрежно
Вскользь по чертам молодого лица.
Мне он знаком, этот спутник случайный,
Я его видела где-то давно...

Там он бродил молчаливый, печальный,
Близко, и так далеко, далеко.
Здесь он другой, снова радостно-юный,
Здесь он, смеясь, говорит без конца,
Жизненных прихотей вихорь безумный
Смело вплетает в живые слова.
Утро настало... Мечты потонули,
Где-то забылись, как детский рассказ...
Только вдали на прощанье блеснули
Краткие искры загадочных глаз...
Где он теперь? его стройные речи
Слышатся мне среди ночной тишины.
Странные встречи, случайные встречи,
Сколько в них яркой живой красоты!..

Ис. Быкадоров.

Права сохранены за автором.

Донской казак — Тимофей Разин.

(Сказы про старобытые казачье).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Описываемые в сказе военные события 1616 г.: замысел Турции «сбить казаков с Дона», преградив в первую очередь им выход в море через западный рукав (гирло) Дона; посылка для этого в помощь Азову 1 тыс. янычар, под предводительством 3 пашей; захват донскими казаками в море 2-х турецких купеческих кораблей, после разгрома казаками указанного выше турецкого отряда, с применением казачьего «умысла» (маневра); гибель в этом бою 4 турецких каторг с 2 пашами; пленение казаками 3-го; пребывание его вместе с другими турецкими «начальными людьми» в плену «на окупу» в г. Черкасском, — все это историческая действительность, извлеченная из архивных материалов — Дел Моск. Посольск. Приказа (Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел) за 1616-17 г.

Атаманы — Смага Степанович Чертенский, Епифан (Епиха) Родилов, Федор Татаринев (Татара), Исая Мартемьянов, Волокита Фролов — исторические лица, жившие в описываемое в сказе время. Все они в разное время в промежутке 1612—1632 г. были на Дону атаманами — Войсковыми, Главного Войска и станичными. Смага Чертенский был Войсковым Атаманом Донского Войска большую часть Смутного времени и позже до 1617 г. После него Войсковым Атаманом был Епиха Родилов.

В 1625 г. при взятии турецкой укрепленной башни во время штурма Азова он был тяжело ранен (при овале башни), что помешало развитию успеха и овладению Азовом. После этого ранения Епиха Родилов, видимо, вскоре скончался — имя его более уже не встречается в исторических документах. В Смутное время он был одним из походных атаманов Донских отрядов.

Тимофей Разин был видным атаманом (старшиной) Донского Войска. Из исторических документов видно, что в середине XVII в. он был одним из 2-х послов Донского Войска в Азове при заключении с Турцией мира. У Тимофея Разина, как известно, было 2 сына — Иван и Степан (знаменитый атаман Степан Разин). Донские историки считают последнего казаком Пятизбьянского городка (станции), но по некоторым данным можно установить, что родился и вырос он, как и отец его, в г. Черкасском.

Главным ядром Донского Войска в XVI в. был Раздорский остров, образуемый 2 устьями Северского Донца и Доном (с городками на нем — Раздорами Донецкими, или Верхними, Кочетами, Семикаракором и Бабеем, или Бабским).

В начале XVII в. ядро Донского Войска переместилось ближе к устью р. Дона (Азова) на Казачий Остров, образуемый р. Доном и рукавом его — р. Аксаем (около 50 в. длины и 20 в. ширины). На этом острове в опи-

сываемую эпоху существовали городки — Нижний (ранее называвшийся Нижними Раздорами, а позже Монастырским), Черкасский, Маньч, Бесергенов и, кроме того, юрты (поселения) — Смагин и Минин, из которых позже образовались городки — Богай и Мелехов.

Главным Войском, т. е. столицей Донского Войска с начала XVII в. являлся г. Черкасский с Нижним; правильнее считать Главным Войском все городки Казачьего Острова. Черкасский состоял из нескольких станиц (обществ), в том числе была татарская. В начале XVII в., как устанавливают исторические документы, в г. Черкасском существовала часовня, заменявшая церковь.

Для более или менее правильного представления о борьбе Донского Войска с татарами (ногайскими и крымскими) и турками, необходимо иметь в виду, что Донское Войско могло выставить в то время, всего 8—10 тыс. бойцев, а одно Крымское ханство, вассал Турции, выставляло до 60 тыс. всадников.

В тексте в кавычки взяты слова и выражения, позаимствованные из документов той эпохи, или слова казачьего говора.

Сказ 1.

Доля сиротская Тимоши Разина. Какой из сироты возрос добрый молодец, славный витязь Дона Тихого.

На роду талан с в о й даден каждому.
На роду судьба написана — всем по разному.

Прилетели черные вороны, Дона Тихого злые вороги, к курену в городке у края острова, и в саду они затаились. А во дворе у куреня Тимоша с Филею, одноплетком своим, на конях из лозы вскач носились. Как на добычу свою коршуны они на них кинулись. Филея, за рубашонку схваченный, и конь его опрокинулись, а Тимоша побегал и завопил, закричал. Тимоши отца дома не было, был он на море в дальнем поиске. На призыв „свою“ ненаглядного с криком бросилась его матушка. И остались у Тимоши в памяти — не в саду алый маков-цвет, не в степи о весне цвет лазоревый: материнская кровь на сырой земле с той поры ему вспоминалась. Через год с того его батюшка кончил жизнь свою в бою морском у Самсун-города*)

Опустилось тело грешное моря Синего**) в волны бурные, вознеслась в небеса душа праведная к святым мученикам и угодникам, Дона Тихого покровителям.

И спасли сберегли Тимошу от бед и от всяких напастей заступничество Божьей Матери перед Господом да старцев донских в молитве усердие. Вспоили, вскормили сироту городка Черкасского станичники со станишниками, его жителей добросердие. И возрос Тимофей, сын Иванович, Разин прозвищем, добрым молодецем, ратоборцем за славу и честь Дона Тихого, Донского Войска всего Великого.

Польнь-травя, ковыль шелковый кровью вражеской неединова рукой молодца обогрелись: материнская кровь смерть родителя добру молодцу незабвенными оставались.

На удар рука у молодца стала крепкая,
Пуля его была беспромашная, всегда меткая,
Стрела его сагайдашная, как по меточке в грудь
ввонзается,
Аркан его вокруг шеи коня с взмаха первого
обвивается.

* *

И приключилось с Тимошею необычное и хоть во истину оно совершилось и было то в нем всем привычное, а показалось бы небыльщиной, ежели не ведали б самолечно о том все на Кавачьем Острове.

Посылало Войско по весне станицы „за вестями“ о басурманских замыслах. И привелось ехать в поиск Тимоше вместе с односумом, Филею, в станице в полтора десятка молодцев. Нарядило Войско в атаманы

казака бывалого Чухрая Федора, есаула же Петра Калину, по обычаю сама станица выбрала. Отправилась станица из Черкасского зарей утренней, повыше его через Дон вплавь переправилась и потянулась степью к Маньчу, держа свой путь от него поблизости, на „перелазях речных“ надумала она недругов выслеживать.

К Петрову дню время приближалось. Зеленеет степь привольная. Серебром переливаясь, острова ковыльные колышатся. Стрекотанье „кузнецов“, голоса птички из травы, из кустов, — отовсюду слышатся. У края неба синего бегут „барашки“, переливаются. Стрепета, „дудаки“*) из под лошадиных ног вверх поднимаются. Наверху небо ясное — нет ни облачка. Краса Божья — степь раздольная! Птице, зверю дикому в ней — жизнь привольная. Да не ужиться и в ней казачу вместе с басурманом, как в гнезде одном орлу могучему с черным вороном.

Не мало времени уже миновалось, высоко солнце от края земли вверх поднялось: в пору ту, близко к полудню, станица с татарской шайкой и повстречалась, — видать было, как в „отножинку“ она спускалась; и стала станица ее прослеживать, прижимать к займищу,**) от степи отрезывать.

Вдвое было татарвы без малого противу станишников, да тем они не смущались, атамана имели казака бывалого, да и сами не из последних молодцев собрались. А как к татарве меж тернов они пробрались, сотворивши крест и призвав на помощь Господа, в сабельки на нее и ударили. Сразил Тимоша татарина начального, конем же завладеть его ему не „подфартило“. Односум Тимоши, Филея, в полон забрал татарина, хоть и сам был ранен пулею. Разогнали басурман станишники, из них не мало переранивши, взяли 3-х татар в полон да 2-х коней оседланных, в схватке той их заарканивши.

Да приключилась беда не малая и со станицею: пришлось ей потерять станишника. Погнался за татарин Петр Калина, на статного коня его позарившись да на засаду и налетел средь бела дня. Свалился он с конем, сраженным пулею, о землю головой своей ударившись. Скрутили назад Калине руки, пока молодец лежал без памяти, арканом увязали и, посадив на коня запасного, с собой умчали. Схватились станишники да с помощью уж опоздали — татары сгнули, пропали, и следов их не сыскали.

С добычей возвращались станишники, а на душе не радостно, не весело, как „обмишулились“ и признаться будет совестно. Коль в бою станица молодца без помочи оставила, какая добыча б ни была, тем на Войско все уже она себя ославила. Тимошу ж ко всему кручинила досада — что не удалось добыть конька татарина сраженного: на Петров день и приодетым быть и погулять хотелось молодцу.

Да не все, что хочется, то и совершается,
И то случается, о чем не думается и не гадается,

Сказ 2.

*Как птица степовая в водяную обернулася,
а лошадка с казачьей грамоткой в городок
вернулася.*

Поднялось солнце в высь небесную, до бела распалившись, бежала молодца тень, меж ног коня под живот его схоронившись. В отножину станица переваливала. Глянули! А в ней пасется табунок — диких лошадак с пятком.

Забурлила, закипела кровь Тимошина, взыграло сердце у охотничка да и то представилось, как приоделся, погулял бы на Петров он день за казну за лошадку взятую. Пустил Тимоша коня свою, как с тетеvy стрелу с натягу полного. Отцепивши аркан, стал собирать его кругами рукою правою. За другом своим Филея следом поскакал. Да как за арканом рукою потянулся в

*) У г. Синопа на Анатолийском побережьи.

**) Синим морем в первой половине XVII в. казаки называли море Азовское и Черное.

*) Дрохвы.

**) Займище — заливаемая полый водой часть долины р. Дона.

пору ту и увидал — рука то его не действует, и назад он с горестью вернулся.

— „Куды там, и Тимоше не угнаться, — Чухрай станишникам промолвил, — хоть рыжий конь его из всех резвей и „отменитей“: не мало кони наши приморились, как из Черкасского пошли, они еще нами не кормились“. — И на привал у дерева высокого станица остановилась.

Мчится Тимоша за тарпаном, с махом каждым все больше и больше приближаясь. Во всю несется чалый да от коня рыжего уже не отдаваясь. Вот,.. вот... еще, и на арканый взмет всего летит он за тарпаном.

Поднял Тимоша руку вверх и метнул своим арканом. Из рук молодца змея скользнула, и кольцом шею чалого обвила. Мчится Тимоша с ним бок-о-бок, — несутся на взволк. Надумал молодец сбить с ходу чалого и завернув назад, к станишникам пригнать и ними тарпана „обротать“.

Да замышляется одно, а совершается другое. Глянул, а с боку наперерез его с бугра летит татар десятка с полтора. Назад взглянул, а за ним станишников — нет ни единого. И ясно стало молодцу, что от станицы он, ровно ломоть от пирога ножом отрезанный. Повернул Тимоша к Манычу и на чалого перемахнул, чтоб рыжий конь его передохнул. Понесся чалый, непривычно почуяв, прижавши уши, шею вытянув как казарка*) при полете.

Да были кони резвые и у татарвы. Опредив других три басурманина гнали за Тимошей и надели на него, как на место „притишное“ он наскочил. Кровью алой сабля Тимоши обагрилась и у басурманина с плеч башка его скатилась, и в пору ж ту раздалися два выпала татарских. Скакнувши раз-другой, повалился тарпан убитый. Да до того еще перескочил Тимоша на рыжего коня свою. Едва не сбило молодца так дернуло его, хватило; лишь конец аркана, за луку закрученный остался.

Взглянул назад Тимоша, — одни лишь головы мелькают над бурьяном и травой. „Знать и татарве я виден одной лишь головой“ — подумалось ему.

Глядят татары — был казак и нет его, как в землю провалился. „С коня гяур в траву свалился, истекши кровью“, начальный кричит татарам, — ищите — в кустах он сгоронился“. С коней все соскочили, галдят перекликаются, в кустах, в траве упавшего найти стараются. Свалился молодец, да не в траву, а к животу коня, чтоб скрыть, куда его скач направлен. А как за перелеском скрылся — вскочил в седло, и напрямик к реке пустился (блистала серебром она недалеко). Надумал молодец впасть через нее пуститься и на том боку от татары укрыться.

У берега остановившись, из-за кустов взглянул Тимоша. И в голове едва не закрутилось, — чего не ждал, то и случилось. Гомонил на том боку татарский табор. Там молодец не приметили еще, иль за своего приняли. Вильнул Тимоша в бок, и соскочил с коня на берегу, где камышек рос островок. Разделся „в мах“ оставшись в нижнем, да саблю припоясал. Камышину словивши под водой и, кусок ножом от ней отрезав, в „одежу“ сгоронил. В узел ее скрутил, снятою с коня уздою, и к седлу его он „приторочил“. И своему коню он молвил: „Расстаться нам, мой друг придется: пути иного мной, как лишь уйти водой, теперь уже не найдется. С грамоткой моей скачи-лети, мой верный друг, в Черкасский“. Промолвил и коня по шею хлопнув, взмахнув пугнул его руками. Скакнул конь рыжий раз-другой, и скрылся за кустами.

Срезал Тимоша камышину и два куска от нее отрезав наскоро очистил и камышиной отколотой перепонки в них прочистил. Окончив то, Тимоша перекрестился и, камышину взявши в рот, другую про запас заткнув за пояс, в воду погрузился. А как в воде он скрылся, то из нее уже не появился, лишь конец торчавший по воде тихонько подвигался, и за островком камышинка вскоре скрылась, лишь вода слегка еще рябилась.

Вскоре и татары прискакали. С коней скочивши, — следов в траве искали, галдели, меж собой ругаясь,

с татарвой на том боку перекликаясь. Татарин на дерево взобравшись, коня казачьего приметил и знак о том дал басурманам, и вслед за ним все, на коней вскочив, помчались. Да не догнать им было: конь рыжий был без седока, виднелся чуть издали — ушел уже он с версту.

.

Вечернею зарей вернулась в Черкасск Чухраева станица. О пропавших молодцах все, охая, жалели, душой о них болели. Надежды не теряли, что Тимоша возвратится — коль у молодца конь цел, не ведомо еще, как дело обернется, а Калину почти что „поминали“.

А на другой день в Черкасском по утра — слышат люди — лошадка бегаёт и ржет. Поймал ее станичник и на майдан ведет. Коня Тимошина признали, и увидавши узел „притороченный“ к седлу, дивились все и, что бы значило, гадали. А как узел отвязали, разворачивать его стали, чтобы одежда показала, не был ли Тимоша ранен, камышинка из нее и упала. Взял ее атаман Родилов в руку и на конец обрезанный взглянув, промолвил, усмехаясь:

— „Не удалось, станишники, молодцу от коршунов улететь птицей степовою, так уплывет от них он водяною, иль как вьон „из вентера“ уйдет. Такую грамотку не написать, нам не прислать и думному дяку, — то не по московскому уму. Распращивать станишники не стали и без того, в чем дело, все видали. И велел атаман Родилов есаулу легкий струг немедля снарядить и вверх по Дону плыть, чтоб оказать Тимоше помочь.“

Сказ 3.

Как на свете белом и то совершается, о чем не думается, не гадается.

Долго Тимоша по Манычу вниз плыл, и на берегу в траве лежал, на солнце греясь, и с камышинкой во рту в воде сидел на дерево взобравшись, вокруг с него глядел — что и как, и сам он где?

Заря вечерняя уже потухла и полнолунный месяц на небе блестел. Вниз Манычем плывя, приметил молодец — вниз по реке костер виднеется недалеко.

— „Свои, иль татарва? Надобно проведать. Да где костер виднеется, там и еда имеется!“ Подумалось Тимоше, не евшему с утра.

Костер проплывши, Тимоша вылез из воды и на вербу ветвистую взобрался — слышать было, как у костра шум, гомон раздавался. Глядит он — и что же видит? Сидит татар десятка с полтора, галдят, ругаются. Видать, недавно повечерели они: мослы обеденные освещает месяц с высоты. Дал „зык“ начальный. Замолкла все, и в пору ту раздвинулись кусты.

И глазам не верилось Тимоши, что увидать ему пришлось. Из кустов Петра Калину привели, арканом связаны его были руки. И стала татарва его допрашивать через московского туму*) — „Награду не малую получишь, ежели, не потаясь, все поведаешь ты нам, и делу нашему послужишь“, — Тимоша услышал.

— „И чего начальный твой, спроси, так хрюкает свиноею, — Калина отвечает, — казак и без того породу свиную вашу различает — и без хрюканья ее видеть. Ну вопрошай, что надобно вам знать — поведаю о всем вам по казачьи.“ И стали спрашивать Калину — пошли ли казаки в поход на Сине море, и много ль всех стругов пошло, и сколько в Черкасском казак собралось, и по уходе на море, много ль их осталось?“

И говорит Калина басурманам: „Пошли в поход морской тому с неделю, а с похода возвратились — позапрошлым летом. А казак в Черкасском с полсотню тысяч всех собралось, а по уходе в поход на море сто тысяч их осталось. А сколько их теперь, „пуцай“ сам хряк ваш „сметит“**). Промолвил то Калина и сам глядит с усмешкой.

*) Тума — изменник, перебезчик; тумами называли и детей, прижитых татарами от русских (московских) пленниц.

***) Сметит — сосчитает.

*) Казарка — дикий гусь.

Вскочила, загалдела татарва, потрясая кулаками. Дал зык начальный, и молодца схватили и на живот его свалили и плетьюми „стегать“ его начали. Да ни стона, ни звука от Калины они не услышали. И силой посадили его они на колени.

— „Последний сказ и воля наша, — Тимоша на раките сидя слышит, глядит во все глаза, а сам не дышет, — не исполнишь, — погибнешь лютой казнью. Проведи нас тайно под городок Черкасский и пособи ты нам угнать табун казацкий, за то получишь волю. Не исполнишь — заранее кляни свою ты долю“.

Нахмурился Калина, на лбу морщины сдвинув, и в ответ молвит татарве: „Ишь, каким, ведь молодцем глядит, на ежака его верхом бы посадить, да наверняка не уседит. Ишь лопухий посулами замыслил казака склонить к измене. Эй вы, свинные рыла подымите — и на древо стоячее, вы поглядите, — и мотнул Калина головой туда, где сидел Тимоша схоронившись, и все к дереву тому поворотившись, глазами вставились своими.“

Готов уж был Тимоша скакнуть с ракиты и кинуться к воде: вот-вот его окроют, и быть беде — татары бросятся, завоют... Калина ж молвил: „ Попрошуй из вас любой ракиту с корнями вырвать. Не в мочь? И всем собравшись нету силы? Так не вырвать и у меня измены вам, ни вашими посулами, не пытками, и у краю моей могилы. А потужитесь через меру — и брюхо надорвете и штаны свои порвете“.

Была истерзана на молодце рубаха. По спине и по груди сочилась кровь. Глядел Калина не смущаясь и без страха, лишь одна к другой сдвигалась бровь. Вскочил начальный злобой пыша, загалдела татарва, один другого как будто бы не слыша. Ругались, чуть не передрались. Но вновь Калину плетьюми стегать, иль по иному истязать не стали, знать, опасались, что на коне казак не усидит, и замыслу табун угнать — не пособит.

— „Начального последний сказ, — Калине тума молвит, — упрямышься бахвалишь, так на утро всего за ковш воды все нам ты скажешь и все, что надобно, покажешь, или лишишься своих глаз“. И снова молодца схватили и уже теперь на спину повалили: набили рот ему полон солью и нос при том зажали, и как не отбивался, все он проглатил, противиться тому и Калине было выше сил. А после за кусты его татары оттащили.

— „Ну, татарва проклятая, сегодня ж будет вам расплата“, промолвил про себя Тимоша, по траве к воде сползая.

Лежит в кустах Калина, мучимый жаждой, болью; спина горит; нутро огнем пылает, снедаемое солью. „Помоги, Владычица, от недругов избавиться, — молится Петро, — живот мне свой спасти. Обет ты мой прими: в год нынешний на поклонение к тебе отправиться, и вклад в твою обитель принести. А ежели прервать живот мой воля Божья, его мне не спасти, пошли мне смерть, Заступница ты наша, чтоб казачьей чести мне не потерять и Войску мне не повредить, чтоб чистым на суд пред Господом предстать“.

Усердно с верой помолвившись, лежал Калина на боку, головой своей на куст склонившись. Минулое пред ним, как вихор проносилось, и перестал уже он разбирать — вспоминалось ли ему, или снилось.

Вдруг вздрогнул молодец: во сне-то был как будто зов любимой, а на яву — был слышен явно „зык“ совиный. Зыком тем обычно казаки переключались, весть друг другу тайно подавая, ежели от недругов они скрывались. — „Да откуда ж мне помочи прийти, — Калина усумнился, — теперь станичникам меня уж не найти: кружили со мною долго по степи и в другую шайку передали, давно следы мои они уж потеряли. Да взять и то — над водою сова не зычит, не летает низко, а зык раздался у воды совсем, ведь, близко... Измучившись от надежды и от сомненья, заснул Калина, уж не ожидая избавленья...“

— „Да пей же, освежись, Петро, скорей, это я — односум твой, Тимофей“, — над головой Калина шопот слышет и чуёт кто-то дышет. Очнулся молодец и стало ясно: кто над водою зык подавал ему совою. Напоил Петра Тимоша, и ножом меж рук его полоса-

нул, и спала с рук того тяжелая ноша. Возрадовался Калина, воспрянул духом, и слышет шопот над своим ухом:

— „С сторожевым я уже покончил. Уйти с тобою мы можем и водою; да без коней „ззорно“ нам вертаться да и за угощение твое нам надо расквитаться. Доедешь ли до Черкасского ты „верхи“? — „Да, а то нет, — Калина отвечает, — что я тебе, баба, что ль перед родами — ишь беда какая, что, малость спину испятели, боясь что я еще боле осерчаю, по мякоти меня они не били.“

И поведал Петро Тимоше, что у татарской шайки пасутся кони близко за кустами, их всего один татарин сторожит, под ракитой он в траве лежит. Проведал и Калина от односума, за угощение его расквитаться у того была какая дума.

Прополз Тимоша к татарве, вокруг костра потухшего лежавшей, и получше у них себе одежду выбрал. — „Не вертаться ж мне в Черкасской почти что голым“ — при том подумал. Да еще 2 сабли прихватил, одну Калине в дар, другую себе взамен, как плыл, пропавшей; суму с харчами прицепил, да еще кое-что собрал у татарвы в повалку спавшей. Калина ж в пору ту татарина сторожившего коней свалил. Двух лошадок, Петро с Калиной заседлали, а остальных треногами и арканами в 2 табунка они перевезали. „Перекстились“, помолились односумы и в путь-дороженьку пустились. А как версты две они ушли, то и едою подкрепились: печеную бараненку с чуреками в суме они нашли.

Небеса уже зарею занимались, как к Дону молодцы добрались. Струг встретив посланный навстречу с помощью его на Казачий Остров переплыли, а на нем они уже почти что дома были: до Черкасского уже было рукой подать, было над ним уже дымки видать.

Как на сбор, иль на пожар народ собрался на майдане. Весть неслась по городку, что пропавшие молодцы вернулись, да еще и коней с собой пригнали на аркане. И на молодцев и на коней взглянуть всем не терпелось и с приветом молвить молодцам слово доброе хотелось.

А после полудня знахарка Власьевна Калину врачевала. „Зелье“*) и травы долго кипятила, остудив тем варевом Калины раны долго обмывала, потом „маслом богovým**“) смазав раны и трижды дунув, перекстила, а пред тем молитву, или заклятье прочитала.

А в вечеру Тимоша Разин с Петром Калиной у атамана Войска Главного за „вечерю“ сидели, не одну чарку вина горячего с атаманом пропустили. Тут же кормилица — ясырка Марья, с дочкой Глашей и дочь атаманская Наталья были. И они выпили медку за спасшихся во здравье. А после поведали молодцы, что с ними приключилось, как отбиться от станицы им случилось. Поведал Тимоша, как про дерево стоячее он услышал и как татарва на него уставилась, он увидел, так чуть-чуть Калине не закричал: „Стоячая дубина ты еще перстом бы показала!“, и тем себя с Калиной едва не погубил. Как услышала то дочь атаманская Наташа, то и закатилась от смеха, да и всем с того была не малая потеха, а после и промолвила: „Не стоячая дубина, а стоян могучий — Петро Калина“.

И привелось за ним прозвище — стоян, а внуки и правнуки (два рода от сынов его пошло) одни Калинины, другие ж Стояновы уж стали прозываться.

Приоделись Тимоша и Стоян-Калина, да и погуляли ж на Петров день они, вина чуть не „колдобань“ с большего ливня со станишниками они выдули пируя. Да и не такие еще дела бывали у казаков, да только чудно было то, что в один день все то случилось и с молодецким одним все приключилось.

Сказ 4.

Каков талан молодцу был от Господа дан.

То не диво Войску Славному — удалой боец, добрый молодец, много их было в годы старые — и за-

*) Зеленые — порох.

***) Лампадным.

тейливых и удачливых, знатных силой своей и ухваткою, казачьим вежеством и повадкою. Диво-дивное Тимоши талан — талан песельный. Нету большего, да и подстать ему, на всем острове, и на всем Тихом Дону — с низу до верху*), с верху до низу. Веселит карагод песня молодца, матерым казакам сердце радуя; Горячим вином**) по жилам молодца она разливается; как от меду хмельного у красной девицы высоко от ней грудь вздымается.

Соберутся ввечеру атаманы-казаки на пир-беседушку, кровь казацкая молодецкая от речей ли, вина ль хмельного разыграется, и промолвят они ласково: „Заведи-затяни нам, Тимошинька, песнь старинную про дела дедов прадедов, дела ратные, про казачью жизнь стародавнюю, что была на Дону у нас в пору давнюю“. Заведет-запоет Тимофей, сын Иванович, звонким голосом, все затихнут вокруг его слушая, ежели надобно ему подтягивают. Не одна слеза у стариков в пору ту из глаз скатывалась: своя молодость, дела ратные, все минувшее вспоминалось, и не раз при том ими сказывалось: „Да, большой талан нашему молодцу, как и деду его, Дмитрию Лаврентьевичу, дан от Господа“.

Были и особые песни у Тимофея Ивановича, самим они им были сложены. Певал-игрывал он их вместе с Филею, и сам — друг певал, поздним вечером или ночью — как, бывало, месяц золотой вверх поднимется поглядеть с высоты на казачье житье, заглянуть в курени, обехать все сады и левадушки, окунуть-искупать свой лик в водах ласковых.

Поднималась песня молодца вверх — в высь заоблачную. Опускалась вниз-в глубь бездонную. Через дубравы-леса перекатываясь, переносилась, Ковылем шелковым растияясь в степи, волновалась. До края неба синего доносилась. Стоном лебедя по лебедушке по над займищем она раздавалась.

О чем грусть, тоска из сердца молодца звонкой песнею изливаются? Гибель матери и родителя все ль еще ему вспоминаются? Иль иные случились беды-напасти? Да проходят они, забываются. У красной девицы да и у добра молодца они, что роса утренняя — взошло солнышко, роса высохла. Иль тоскуя поет, сам не ведая то, о судьбе иной — своей суженой, красной девице? И кому ж женой его быть судьба выпадет?

* * *

Женой быть на Дону у молодцев, кому не случается?

С кем, ежели полюбится, он не повенчается?

Были круглоликие девицы московские, были и дебелые дочери боярские.

Матери примерные — крымские татарки, жены всегда верные — девицы ногайские;

Станом своим тонкие, княженки черкесские, девы кабардинские

Были полонянки,¹⁾ разные ясырки,²⁾ с боя в море взятые; были и ордынские.

И певуны звонкие, как заря румяные, девицы-черкашени*)

Были и черноокие с соболиной бровью девы-кизыльбашенки,**)

В глазах с бирюзью с русою косою шляхтенки-полянки; И с горячей кровью южных стран смуглянки.

Были все довольны долею своею — за мужьев и деток горячо молились.

Казакам же все же вольные казаки больше всех „любились“***).

*) Верх Дона, Верховое Донское Войско, к северу (вверх) от Цымлянкой. Низ — Низовое Донское Войско — от Цымлянкой до устья р. Дона.

***) Горячее вино — хлебное вино, водка.

^{1, 2)} Полонянками назывались пленницы, взятые в плен турками и татарами (магометанами) у христианских народов (и освобожденные большей частью казаками). Ясырками назывались пленницы, взятые в плен у магометанских народов (большой частью казаками).

*) Черкасами в XVII в. называлась поднепровская часть украинского народа.

***) Кизильбашами в XVII в. назывались персы.

***) „Любились“ — нравились.

Видно „сердобольная“ на Тимошу с лаской взор свой уронила.
Хоть казачка вольная, и была с опаской, тем себя сгубила :

Тем свое и молодца сердце погубила.

Песня сладкозвучная неустанно летится:

А у казачки вольной, как у пташки пойманной, сердце от ней бьется.

Ночкою бессонной до зари у девицы очи не сомкнулись
Песней неугомонной и Тимоши речи все ей вспоминались.

Сказ 5.

*Как полюбились песнопение донского молодца
послу московскому и что им с того
замыслилось.*

В то лето, в 134-ое*) вот что было, что случилось на Тихом Дону, на его Казачьем Острове, в Главном Войске, в городке его Черкасском. Были в нем приходом по весне послы иноземные — Московский да царства Турского. „Шли“ они через Азов в Москву из Царя-города. Станом своим стояли они на Чингарском острове,**) с полверсты от городка Черкасского.

Пришлося услышать донского песенника и послу московскому, как пел тот на молебствии. И дивился посол и все люди его тому, чего ни в своей ни в чужой земле им слышать не приходилося. А московский дьяк, что послу „во товарищах“ был, хоть и бывалым слыл, ровно столб стоял, рот разинувши, услышав, чего и ему слышать не заводилося.

И не раз и не два пел-играл потом Тимофей Иванович послу московскому песни свои сладкопевные. Не одна лишь потеха была с того тому, — большое дело, „дело государственное“ им с того замыслилось. Гостил-чествовал он Тимошу, а заодно с ним и Филею, друга его, горячим вином, медами сладкими да винами заморскими.

Ну, а молодцам что? Ежели почтенный человек, Войска Главного гость гостит-чествует их, отнекиваться иль особую „принуды“ ждать, не годилось. Ежели с кем дружбу ведешь, — кочевряться перед ним у казаков на Дону не водилось.

А ублажал посол донского молодца не без хитрости, не без боярского на то своего умышления. Да вскорости молодцам все и открылось: стал он Тимошу ублажать-уговаривать: ехать вместе с ним в Москву Златоглавую. Сулил посол донскому молодцу, что его, песельника такого знатного, небывалою, царь-батюшка, Михайла Федорович, в свои „государевы люди“ пожалует с великой честию, и будет Тимофей Иванович в палатах его белокаменных жить-поживать припиваючи.

Сказывал посол донскому молодцу: „Ты только рассуди умом своим, Тимофей Иванович, а разум тебе не малый даден Господом, наши люди все ему дивятся, — ишь, как, ведь, виляла хвостом лиса старая, — ты только подумай, сколько будешь деньги загребать, как почнешь ты петь на панихидах да на молебствиях, а особливо в Успенском***) при патриарших выходах. Да тебя, Тимофей Иванович, засыпят всего деньгой люди купецкие и бояре московские; аж занудишься, не ведая, куда тебе свою деньгу „дуть“. Не подгадашь ты и ныне в церковном песнопении, слышал я, как заливался ты на молебствии, а в Москве ты с ним в месяц другой во-как справишься, дело то тебе, вижу я, совсем плевое“.

А Тимоша речи посла слушая, не отнекивается и не придакивает, усы покручивает, ухмыляясь, да сладкий мед из стопы, знай, потягивает.

Замыслил посол дело свое не от скудоумия, а с разумением, — ведала лиса, куда и за чем ей просколь-

*) В XVII в. на Дону, как и в Московском государстве, летоисчисление велось от сотворения мира, без указания обычно тысяч; 133, т. е. 1616 г. от Р. Хр.

***) Чингарский остров, возвышенное место выше по Дону от Черкасского; островом оно было лишь в полуу воду.

***) В Успенском соборе.

знуть захотелось. Вез посол из Царя-города в Москву заморских стран дива разные, по указу царя-батюшки им накупленные, и от султана Турского в дар-подношение. И узрел посол, услыхав донского молодца, что те дива — нет ништо, перед его сладкозвучным пением. Вот то было б подивиться чему, „послухать“ что — и патриаршему блюстителю*) и царю-батюшке благоверному да и всему стольному граду, Москве Белокаменной.

У шатра посол похаживает, бороду свою поглаживает, умом-разумом прикидывая — и чего царь-батюшка ему за его посольское радение, за боярское ему угождение, чего-чего не пожалует по своей милости? Ухмылялся посол, представив мысленно, как будут пучить бояре свои „буркулы“, слушая песню молодца, диво им, послом, в чужой земле отысканное; как будут стоять, они, свой рот разинувши, аж позеленеют все от зависти.

Был посол и сам боярином, да роду то он был заху-

*) До 1619 г. — возвращения Филарета Никитича, патриарший стол был не занят, его замещал блюститель.

далого; вся родичь его в годы смутные не той стороны держалась, какая напослед на верх взобралась. И мнилось ему, как будто виделось, что пожалует его царь, милость у него великая лишь угодить ему сумей, пожалует его в бояре стольные, статья может — и в бояре думные. Да даст еще ему, за посольское его радение поместье да еще и вотчинку, ему думному боярину, и роду его на прокормление.

Да видит посол, что Тимофей Иванович на соблазны его и посулы всяческие не больно что-то зарится и опасаться стал, как бы дело его, дело великое государское, как рыбка с крючка не сорвалось.

Сказывал посол дьяку своему: „Только б залучить его нам в Москву, Савелий Панкратович, а уж там ему из наших рук никак не выкрутиться, уже там молодчику от нас не вырваться — сумели б мы с ним там как управиться“.

И придумали посол с дьяком на донского песельника приманочку особую, как и талан того — необычную небывалую.

(Продолжение следует).

Константин Поляков. (Прага).

* *

В сердце живет тоска у меня.

Нет теперь радости светлого дня...

Сердце мое стало раной сплошной...

Сам я — печалью больной.

Как там живут в этом сумраке дней?..

С кем им делиться тоскою своей?..

— Ворог и вороги — ворог кругом!

Спален отцовский, родимый дом!

Где то станицы родные белеют, —

Там теперь красные флаги алеют...

Главы собора на солнце горят, —

Но край наш пожаром об'ят...

Слезы казачек там льются горячие...

Эй вы, ослепли что ль, слушайте, зрячие! —

— Родина наша в плену у врага,

Глухо стучит в казематах ноган.

Нету отцов уж, в могилах они...

Братья там наши остались одни:

В дальних сырых Соловках, —

Там где молился монах...

1 мрта 1930 г.

С. Савицкий. (Бразилія).

РОЗЛУКА.

Козак Василь коня сідлає.

Не мріяв він, старий вже був,

Що ще в сідельці погуляє.

І шаблю взяти не забув.

Стара з коня очей не зводить.

Василь сумний до неї йде.

„Прощай, стара!... москаль надходить,

„Чи чуєшь, в плавні як гуде?!

„Коли-б москаль в станицю вдерся:

„Підпалюй хату і тікай!..“

Обняв стару... рукою втерся...

З коня ще кинув їй: „Прощай!“

Ю. Питон. (Польша).

* *

Утра холодные, дождь и туманы,

Ночи беззвездные, первый мороз...

Помню — давно пронесли ураганы,

Сердце устало и нет больше слез...

В странах чужих, по краинам далеким

Мы, словно осени листья развеяны, —

Катимся вдаль по дорогам широким,

Всюду чужие мы, всюду осмеяны...

Катимся скорбной дорогой изгнания,

Тяжестью сдавлены горького бремени...

Степи лишь милого, дальнего Края

Нам уж мерещатся время от времени.

Плохой юбилей.

Для исторических событий 8 лет не такой уже большой промежуток времени. Между тем, он оказывается, повидимому, достаточным, для того чтобы развитие отношения Европы к большевикам описало известный полный круг, близкий окончательно к тому, чтобы, замкнуться. За исходную точку этого круга мы берем Генуэзскую конференцию 1922 года, восьмилетний юбилей которой исполнится в апреле.

Конференция эта, хотя и не принесла тех

результатов, которые чаяли от нее большевики, но все же немало подняла международный престиж красной Москвы: это были дни, когда представители большевиков впервые удостоились пожать руку коронованной особы, в лице итальянского короля; это были дни, когда сам римский папа, для католиков представитель небеса на земле, в своей телеграмме от 29 апреля пожелал успеха Генуэзской конференции. Но не прошло еще полных 8 лет, как перед нашими

глазами произошли два эпизода; дающие основание говорить, что круг действительно близок теперь к тому, чтобы замкнуться: английский король отказался подать руку послу Москвы в Лондоне, а римский папа 8 февраля передал своему генеральному викарию и римскому кардиналу Помпили заявление — протеста против всего творящегося ныне в СССР.

Если благородный жест Георга V остался только символом негодования против правительства с руками в крови, то выступление папы послужило сигналом начала того боя всего культурного света против яда Москвы, который от первого дня воцарения большевиков называют собственным именем американцы, превозгласившие устами еще президента Гардинга, что они не будут разговаривать с большевиками до тех пор, пока последние не признают законов современной цивилизации.

Выпущенный римским папой протест является решительным приговором и осуждением того, в оценке чего была столь неединодушна Европа: большевизма, как явления не только политического, но и как учения, с чисто дьявольской последовательностью уничтожающего все основы современной культуры и человеческой цивилизации — религию, мораль, законность.

Слова папы отозвались громовым эхом во всем свете. В той же Германии, протянувшей в свое время первой руки навстречу большевикам, теперь раздались с амвона Мюнхенского собора св. Михаила горячие слова кардинала Фаулхабера — „немецкий народ, не продавай свою душу и честь за какой то русский прииск меди“! В своей проповеди кардинал указал, что только в последние 3 месяца, помимо 200 синагог и мечетей, в СССР было закрыто 980 христианских храмов, что институт семьи и брака пал там теперь ниже, чем у африканских дикарей, что бой против Бога и всех религий ведется в СССР суровей, чем это было во времена христианских мучеников.

Сам творец последнего признания Англией СССР, министр заграничных дел Гендерсон, принужден был в парламенте констатировать, что сообщения о религиозных гонениях в СССР „возбудили в Англии и в других странах большое волнение“. В том же парламенте во время дебатов о советско-английском договоре выступил сам епископ Кентербрийский и провозгласил, что обращает внимание всей страны на происходящие в СССР гонения.

Воззвание патриарха в Югославии, интерпеляции в парламентах голландском и бельгийском, почти одновременное выступление выдающихся политических и духовных личностей всех стран, волна протеста, прошедшего по страницам всей мировой прессы, — все это весьма значительно для современного настроения культурного человечества по отношению к большевикам.

Яд, сочащийся из красной Москвы, опасен для всех, для всей цивилизации. Это яд трупный, яд разложения. Иностранцы только теперь начинают понимать все это. Беспринципный оп-

портунизм, желание поживиться, соблазн наживы в торговле с большевиками, наживы, впрочем, весьма сомнительной, и, наконец, просто умышленное закрывание глаз, — вот что в массе характеризовало к сожалению до недавних слишком многих из представителей европейской культуры.

Выступление папы обозначает перелом в таких настроениях. Папа концесий не добивается и торговать с большевиками ему нечем. Невмешательство папы, казалось было бы тем более обоснованным, что папа является главой католичества, в то время как в СССР под знаменем борьбы с религией гонения творятся гл. обр. на православие. И все же папа выступил. Выступил потому, что право свободы вероисповедания принадлежит к неотъемлемым правам всех людей. Те, кто отрицают это право, тем объявляют войну всей современной культуре, всей цивилизации, всему человечеству.

Протест против религиозных гонений в СССР не является „вмешательством иностранцев в чужие дела“, ярлык чего большевики спешат привесить к воззванию папы. Право веровать не знает политических границ. Нарушая это право, большевики бьют не по тем, кого держат в своем тяжелом ярме, но по всему человечеству.

Большевики иногда бывают хитрыми дипломатами, но на сей раз красная Москва зарвалась и дала маху: перед всем светом открылось истинное лицо большевизма, впервые быть может, но зато во всей его мерзости. Увидевши однажды этот дьявольский лик, Европа едва ли сможет забыть его.

В Москве, говорят, бьют тревогу; политбюро, вопреки желанию Сталина, постановило „замедлить темп антирелигиозной кампании“, Но этим теперь уже никого не обмануть. Если 8 лет назад Чичерин доказывал на Генуэзской конференции, что разность экономического строя Европы и СССР не является препятствием экономическому и политическому сотрудничеству, то теперь уже этим словам никто не поверит, ибо религиозные гонения показали, что дело не в „разности экономического строя“, а в противоречии всех жизненных начал.

Если раньше взаимоотношение многих Европейских государств с СССР определялись моментами выгоды, или невыгоды, то теперь вопрос переходит в область простой человеческой морали. Устами своих наиавторитетнейших представителей Европа ныне осудила большевиков и их „мораль“.

Напрашивающиеся дальше выводы ясны, однако проводить их в жизнь уже не дело папы, но тех к кому обращен этот зов „не продавать свою душу и честь за какой то советский кусок меди“. И если и наирасчетливые американцы до сих пор остались верны своей чести и последовательно отвергали всякие сношения с красной Москвой, то надо надеяться, что теперь и Европа станет более единодушна в своем отрицании тех, с кем так простоудно разговаривала еще 8 лет назад в Генуе, и кого так безоговорочно осудил теперь римский папа.

И. Билый.

Т. Г. Масарик и Казачество.

Народы и страны поработанные могут искренно позавидовать счастью чехословацкого народа, у которого в роковые годы Великой войны нашелся вожьд европейского масштаба в лице теперешнего президента Ч. С. Р. профессора Т. Г. Масарика, отпраздновавшего 7 сего марта 80-ю годовщину своего дня рождения.

Если Ч. С. Законодательные Собрания специальным законом, который будет запечатлен на вечные времена на особых мраморных скрижалях, отметили заслуги своего первого президента в деле создания государственной независимости Чехословакии, то это является с их стороны актом вполне понятного пиетизма и уважения по отношению к тому, кто всю жизнь свою посвятил великому подвигу освобождения своего народа из под чужого ига.

Мало кто из современных социологов и политиков так всесторонне продумал и изучил проблему угнетенной и поработанной нации и страны, как этот маститый чешский ученый и достойный вожьд своего народа. В этом отношении Т. Г. Масарик может быть надежным учителем всем угнетенным народам и странам. Казачество в своем освободительном движении тоже может многое почерпнуть из его теоретического и идеологического арсенала.

В свою бытность во время войны и революции в России и на Украине, проф. Масарик, искренно приветствуя февральскую революцию и рожденный ею великий лозунг национального самоопределения, прекрасно видел в то же время, что пробивавшийся на первую роль тогда русский социализм смутно и неясно представляет себе суть очень сложной по своей природе национальной проблемы и, главное, что совершенно не отдаает себе отчета в освободительных стремлениях угнетенных „негосударственных“ наций. Он не мог не заметить великодержавнических тенденций в русском социализме и его плохо скрываемое недоброжелательство по отношению к народам б. Р. Империи, борющимся за свою политическую независимость и государственную самостоятельность. Он это почувствовал и на первоначально отрицательном отношении русских социалистически-революционных кругов (особенно Керенского) к чехословацкому освободительному движению, поставившему тогда свою основную задачу разрушение государственного единства Австро-Венгрии, как предпосылку успеха своего национального дела.

В одной из своих речей к землякам в Киеве проф. Масарик, говоря об освободительной борьбе поработанных народов, заявил, между прочим: „Национальный вопрос — а это мы, чехи, прекрасно знаем, — является в то же время социальным вопросом. Когда один народ поработан другим, тогда политический гнет равнозначен дешевой рабочей силе для господствующей нации. Я подчеркиваю это социальное значение (нац. вопроса) и, особенно, здесь в России надо это подчеркивать. Вы часто это слышите, особенно со сто-

роны русских социалистов и прогрессивных партий, что национальный принцип — это шовинизм...“

В этом отношении интересна тоже следующая выдержка из письма Масарика (от 2-V-1917) тогдашнему русскому министру военных дел Керенскому (который вначале почти что враждебно отнесся к военно-организационной акции среди ч.-сл. пленных и перебежчиков из австрийской армии): „В национальности, писал Масарик, достаточно социализма... Народ, политически поработанный, всегда бывает своим правительством угнетаем и эксплуатируем как в экономическом, так и в социальном отношении. Поэтому народы, политически угнетенные, борются не только за свою политическую, но в то же время и за социальную и за экономическую независимость“.

Наконец, в ответ на известную большевистскую инструкцию по вопросу о самоопределении народов, проф. Масарик послал протестующее заявление, упрекая Со-

веты в том, что они этот лозунг признают только на словах, а на деле стоят на немецкой точке зрения о преобладании государства над нацией. Он снова подчеркивает социальный характер национального движения и упрекает Советы в том, что они в разрез с интересами социализма стали на защиту немецкого империализма и поддерживают Австро-Венгрию.

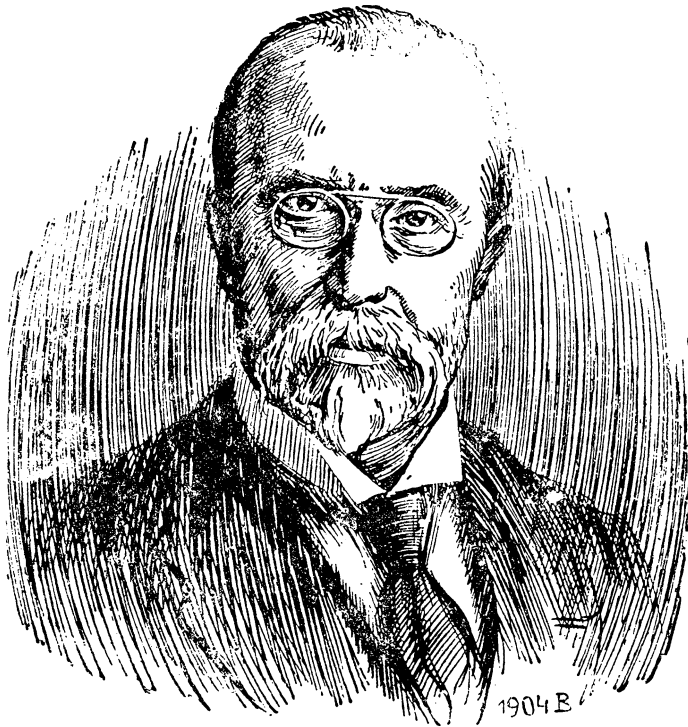
В одном из своих заявлений он упрекает русских социалистов в том, что свою идеологию в национальном вопросе они прямо стали на защиту сильных и господствующих государственных наций и служат, таким образом, несправедливому делу...

Сегодня, по истечении более чем десяти лет „социалистического“ режима в б. России, не трудно видеть, как все эти упреки проф. Масарика по адресу русских левых элементов были обоснованы и верны; как даже, пребывая в эмигрантском изгнании, они ничему не научились и до сих пор все превратно толкуют освободительные стремления б. русских „окраин“ и „инородцев“.

Во время пребывания проф. Масарика в России и на Украине, ему пришлось столкнуться и с казачеством. Казаки интересовали его в связи с организацией чехословацкой национальной армии. Кроме того, он усматривал в них тогда ту боевую силу, которая сохранит фронт перед революционной разрухой и, особенно, противостоит большевистской антимилитаристической пропаганде. В интересах полного разгрома Германии и центрального блока вообще, проф. Масарик считал необходимым предотвратить разложение русского фронта. В казачьих войсках он видел ту силу, которая легче и естественнее всего сможет одолеть всеобщую разруху, сопровождающую революцию.

На казаков, как говорит историкограф ч.-сл. освободительного движения д-р Куделя, возлагались наибольшие надежды в момент усиления большевистской опасности в среде чехословацкой политической эмиграции.

Проф. Масарик лично приветствовал общеказачий

Т. Г. Масарик (1850—1930).

с'езд в Києве в началі листопада 1917 року: „Привітствую вас, браття казаки, — говорив він... Ми, чехи, звикли вважати казаків друзями чехословацького народу... Я не шовініст, але ми, чехи, воюємо за свою незалежність... Я щасливий, що, повернувшись на батьківщину, зможу сказати своїм землякам: Мені випало на долю щастяє від душі і по душах говорити з казаків“...

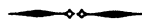
Невдовзі після, обговорюючи питання майбутнього чехословацької армії і її союзників, проф. Масарик мав на увазі військове співробітництво з казачеством. Цитований уже вище чеський мемуарист цього часу, д-р Кудея, так передає його думки по цьому питанню: „Напевно і з казаків, на основі взаємної симпатії між ними і нашими солдатами, можливо погодження і в кожному окремому випадку, і бути може, і для загального плану.“

Піднімався одне час питання про перехід чехословацьких військових частин з України на Дон.

Проф. Масарик, передбачаючи послати туди для довірливих переговорів (в першій половині січня 1918) свого представника, давав йому наступні вказівки:

„Принципально ми не проти Дона; однак, у нас виникають сумніви ввиду віддаленості Дона від австрійсько-німецького фронту. Але, залишаючись на Україні, ми своїм природним тиском захищаємо Дон, особливо, якщо прийдуть поляки і з'єднаються з нами. Таким чином, ми даємо можливість Дону консолідуватися“.

В листопаді 1917 р., говорячи про політичне становище чехословацького руху, проф. Масарик сказав:

Санжа Балыков.

Неизвестный чех.

(Посвящается 80-летию юбилею Т. С. Масарика).

1916-й год... Ранняя осень... Был тихий, мягкий, предвечерний сумрак. Далеко, далеко, там, где небо сходится с землей, как пылающий горн, накаляя края железной громады черных туч, медленно заходило степное солнце. Черное покрывало теплой, осенней ночи неуклонно надвигалось на напряженно затихшую степь.

Рослый, сухопарый, вороной дончак шустрой рысью катил по укатанной степной дорожке легкой, двухместный шарабан. Мой возница, австрияк, как мы называли тогда всех пленных, синеглазый, светлосый мужчина, лет за тридцать, молчал рядом со мной и сосредоточенно сосал свою фарфоровую трубку с длинным, гнутым чубуком. Едкий дым крошеного самосада „овцебойки“ то и дело обдавал меня тошнотворной волной.

Я, тогда молодой казак, через три месяца выходящий в полк, уже чувствовал неприязнь к австрийцу и не находил нужным вступать с ним в разговор, а степь и без того располагает к молчанию, она успокаивает мысли, растворяет их в своей беспредельной шире. Но молчание прервал мой возница. Ломанным русским языком, стараясь быть больше понятным, заговорил он вдруг:

— Ты, пан, ест козак?
 — Да, казак.
 — Скоро пойдешь на война?
 — Через три месяца, — и для большей убедительности я показал ему три пальца.
 — О, то хорошо, будешь немца боювать, то добро!
 — А ты не немец, ты — австрияк?
 — Нет, не австрияк, не немец, я ест чех, знаш чех, рус, сбиян, словак то ест едно, браты...
 — Знаю, знаю...
 — Ты слышал — продолжал разговаривший пленный — русский царь, хочет из нас формувать чешски полки и, посылать на немца, так то буде добре, мы-б показал, какой ест чешский солдат...
 — Слушай, — отвечал я ему, — так не может быть, как же ты пойдешь стрелять в своих: пошлешь вас в бой, а вы уйдете туда...

между прочим также и Казачества. „И, наконец, заявил он, надо сказать слово о казаках. Наши солдаты питают симпатии к казакам, а они к ним“. Дальше он рассматривает план соглашения и сотрудничества ч.-сл. национальной армии с казачьими войсками, как об этом упоминалось уже выше, и замечает: „Об этом теперь тоже нельзя говорить. Нам советовали продвинуть наши войска на Дон. Кое кто полагал, что мы могли бы идти даже в Месопотамию, в Архангельск, на Мурман и т. д. Для того, чтобы уйти, нам нужны железные дороги не только для людей, но и для лошадей; нам нужны великие запасы провианта и т. д.“

Переход ч.-сл. национальной армии под протекторат Франции, оккупация Украины немцами, а затем большевиками, принудили чехословаков эвакуироваться на Дальний Восток и продлевать свою героическую „анабазу“ от Киева до Владивостока.

Если и в эти критические моменты ч.-сл. войска сохранили свою организацию, одолели большевицкой пропаганде, были боеспособными, — огромная заслуга принадлежит, несомненно, неоспариваемому авторитету их вождя — проф. Масарика.

Эту статью можно закончить теми же словами какими она начинается. Угнетенные народы и земли могут лишь позавидовать счастью чехословацкого народа в том, что судьба ему даровала такого национального вождя в исторические моменты его жизни. В то же время все, кто борется за свое освобождение, а след., и Казачество может считать Т. Г. Масарика своим учителем, черпая в его произведениях указания на то, как и что нужно делать, чтобы скинуть чужое иго со своей родной Земли.

— Не, то не можно, чех не уйдет до немца, нас можно посылать на немца, чех буде немца боювать, то будет очень хорошо, мы-б показал, что такой чешский солдат, — повторял он.

— Ну, хорошо, ты будешь воевать против своих, против австрийцев и немцев, а потом, как ты поедешь домой, там тебя повесят, — говорил я ему, делая вокруг шеи выразительный жест.

— Но так, мы будем жить в своей чешской стране, в своем королевстве, то мы не будем опять под австрийско... у нас будет свой краль...

Так вот о чем он мечтает... вот за что он готов идти против австрийцев, — подумал я и заинтересовался, что из себя представляет эта Чехия.

— А может ваша Чехия сама жить?
 — О, то може свободно, мы маме всего доста, — спокойно и уверенно отвечал он и начал подробно рассказывать про свой народ, про его право на самостоятельную жизнь, о его тогдашнем подневольном положении и т. д.

— А кто будет вашим кралем, русский князь?
 — То я не знаю, може русский, великий князь, а то може быть як во Франции, знашь республика? То нам все едно, абы была наша... Ты слышал, у нас ест великий, мудрый человек Масарик, тен може добре уделать, тен може быть президент...

Такого имени, конечно, я не слышал и оно мне ничего тогда не говорило. Сумерки между тем сгустились, настала темная ночь. Добрый вороной незаметно покрыв десятиверстное расстояние и доставил нас до нужного пункта, откуда я должен был отпустить своего возницу обратно.

— Ну, так прощай козак, — проговорил мой чех, когда я слез у ворот экономии.

— Прощай, дай Бог, чтобы ты увидел свою Чехию, — ответил я ему.

— О, то спасибо, — сказал он, протягивая мне руку. Скоро и про этого случайного спутника и про разговор с ним я, конечно, позабыл. Вспомнил я про не-

го, когда в 1919 году услышал впервые, что Чехия стала самостоятельным государством. Вспомнил я и имя, которое он называл, как возможного президента.

Прошло с тех пор 14 лет. Ни имени, ни лица того чеха не помню. Не знаю также, дожил ли он до момента, когда его братья стали драться против немцев и его родина стала свободной. В ту зиму среди пленных рабочих свирепствовал тиф. Может судьба так подстроила, что его кости лежат теперь на моей родине, в степях Задонья, а меня, его случайного собеседника, забросило на его родину, где мне прихо-

дится мечтать точно о том же, о чем и он тогда мечтал...

И теперь, когда вся Чехословакия празднует 80-ти летний юбилей своего первого президента, мне особенно ярко вспоминается тот тихий, осенний вечер, медленно погружающаяся в темноту бескрайная степь, бодрая рысь вороного дончак и ломаный говор неизвестного чеха, от которого впервые я услышал о народе чешском, имеющем право на свободную национальную жизнь и имя того, чей юбилей празднует сегодня чехословацкий народ.

Инж. В. Бейсуг.

Пессимизм и оптимизм в условиях нашей жизни.

Положение о том, что современная техника ведения войны и характер боевых действий предъявляют исключительно строгие требования к интеллектуальным качествам борцов, их выдержке, подготовке и т. д., применимо не только в военном деле. Современная жизнь в целом делается все сложнее и сложнее. Соответственно этому увеличивается и значение индивидуальных качеств человека. Современное поприще политическое, общественное, деятельность экономическая, хозяйственная и др., — все это требует от человека огромного запаса энергии, сил, выдержки, твердости характера, тренированной воли, большого образования. И горе тому, кто не поспевает за жизнью, кто отстает от нее. Беспощадная окружающая действительность стирает не только отдельных лиц, но и менее жизнеспособные массы. И может быть никогда столь сильно не выступало значение воспитания и врожденных качеств человека, как именно теперь. О первом поговорим в другой раз, теперь же — об этих самых „врожденных“ качествах.

Мы не намерены утруждать внимание читателя материалом из области современной психологии и физиологии, но хотим лишь поделить рядом мыслей о тех двух элементарных понятиях, которыми столь часто характеризуют людей, причисляя их к „оптимистам“, или „пессимистам“. Не будем давать научного определения этих двух понятий. Скажем просто: под пессимистами мы подразумеваем тех, кто видит все окружающее в мрачных цветах, сохраняя их и для своих прогнозов будущего; под оптимистами — тех, кому окружающее рисуется в тонах светлых и радужных, и кто переносит эту лучезарность и на чаемое будущее.

Оба вида восприятия окружающей жизни в значительной мере базируются на физиологических предпосылках и врожденных свойствах характера, в меньшей степени — зависят и видоизменяются под влиянием самой воспринимаемой жизни. И в том и другом, случае они оказывают огромное влияние на действия человека и являются чрезвычайно важным фактором в определении и построении общественно-политических его воззрений.

Нас, конечно, в данный момент больше всего интересует, каким образом появляются оптимизм и пессимизм в условиях нашего времени, и как отражаются на современных настроениях казачества.

Границы, в которых варьируют эти настроения, чрезвычайно широки: от безнадежного пессимизма до беззаботного оптимизма. Говоря объективно, нужно все же признать, что казачья эмиграция в массе и в результате долгих лет изгнания не потеряла надежд на лучшее будущее. Обратное скорее характеризует или отдельные личности, или небольшие группы, сломленные тяжелой эмигрантской жизнью и трудными материальными условиями. Их пессимизм, иногда безнадежный, скорее уже порядка чисто физиологического: отчаяние людей голодных, безработных, закинутых в отдаленные уголки земного шара. Пытаться анализировать настроения таких людей, — вещь безнадежная и бесполезная: соловья баснями не накормишь. Иное дело там, где представляется возможность объективного от-

ношения к окружающему и сознательного обращения с элементами пессимизма и оптимизма.

Второй десяток лет царствования большевиков и без малого 10 лет изгнания дают богатый материал для проявления пессимизма и оптимизма: кто смотрит на темную ночь, кто смотрит на яркие звезды. Ночь темна, спорить трудно. По всему белому свету разбросаны теперь казаки. Живется им всюду разное. В одних странах — невыносимо трудно, в других — более или менее сносно, особенно там, где братское отношение хозяина-народа дает к этому хорошие условия. Но все же в общем — трудно везде.

Если мы говорим иногда, что там то и там казаки живут хорошо, то это „хорошо“ лишь относительное: в сравнении с другими местами, где слишком уж плохо. Настоящее „хорошо“, измеренное масштабами нашего прежнего благополучия, составляет удел немногих. А ведь утекло уже столько лет, перепробовано столько возможностей, — от колонизации Перу до работы на заводах Франции включительно. Неудивительно рукам опуститься... И опускаются у многих.

А дома? Там столь же темно. Из-года в год ждем мы восхода там солнца, из-года в год ждем там какого то „чуда“, пройдет один год, думаем, — ну вот этот год то уж домой „поедем“, но проходит и этот, а мы все сидим и никуда не едем. Много лет мы читаем о том, что „там“ все уже дошло до крайних невыносимых пределов, что большевики „накануне краха“, что хозяйственная разруха уже перешла в катастрофу. Но... пределы отодвигаются, накануне оказывается без завтра, разруха в катастрофу переходит, да никак не перейдет. Закрадывающийся в душу пессимизм порой кажется имеет все основания, чтоб перейти в пессимизм безнадежный.

А нет ничего более опасного, как именно такой безнадежный пессимизм. Он приводит к фатальному непротивлению злу, подтачивает не только духовные, но и физические силы человека. Из явления болезненного он может переходить в действительную болезнь — и душевную, и телесную. Будучи проникнут безнадежным пессимизмом, человек заживо выбывает из строя живых людей, он перестает быть способным к жизненной борьбе и к какой бы то ни было деятельности. А первый и главный залог успеха всякого дела: это твердая вера в успех.

Столь же пагубен и неразумный, легкомысленный оптимизм. Он легко приводит к ничему не деланию: все, мол, само делается. „Там“ — в один прекрасный день свершится чудо, переворот, и мы „поедем“. Здесь — „столько лет с голоду не умерли, не умрем и дальше“, „какнибудь проживем“, „что там заботиться о завтрашнем дне...“

Крайности никогда к добру не ведут. Обыкновенно, чем ближе к краю, тем дальше от истины. Так же обстоит дело и с пессимизмом и оптимизмом. Те стекла, через которые человек уже от рождения смотрит на жизнь, изменить и сделать из черных белые, или из светлых темные, конечно, трудно. Все мы носим в себе семена известного врожденного пессимизма, или оптимизма. Но воздействовать и на эту сторону своего характера необходимо. Иначе угнаться за жизнью труд-

но. Нужно стараться и здесь преодолевать себя, стремясь достигнуть максимально-жизненного, действительно жизненного возвращения.

Чем тяжелее и суровее окружающая жизнь, тем более стойкими должны быть ее борцы. Чем на большие крайности воззрений, в сторону оптимизма или пессимизма нас толкает происходящее, тем стойче следует держаться за твердую и в данном случае именно золотую середину. Мы думаем, что истина именно в ней. Нельзя не видеть темную ночь, нечего убеждать себя, что она светла. Такой самообман может обойтись слишком дорого и, сорвавшись, привести уже к действительно полному отчаянию. Нельзя ослепляться и яркими звездами: в результате всякого ослепления человек вообще перестает видеть действительность.

Степень пессимизма или оптимизма, которая может считаться приемлемой, должна прежде всего определяться объективным учетом всей окружающей действительности. Многие из того, что еще 6-7 лет назад казалось нам белым, теперь стало черным, и наоборот. 6-7 лет назад и казачья и неказачья эмиграция оценивали себя лишь под углом зрения „белой армии“. Теперь едва ли можно говорить об эмиграции-армии. Если наша казачья эмиграция сохранила более чем кто либо, формы чисто военные, то это потому, что сам то уклад нашей казачьей жизни всегда был связан с идеей „войска“. Но если мыслить о казачьей эмиграции, как об „армии“, способной оказать то или иное воздействие на исторический ход событий, тогда обманывать себя нечего, — пессимизм здесь и уместен и основателен.

Означает ли это, что казачья эмиграция потеряла вообще всякое значение? Конечно, нет. Здесь нельзя отказаться от известного, наоборот, оптимизма. Прежде всего, в эмиграции стало кристаллизироваться то, чего не наблюдалось у нас дома и чего так недоставало казачеству: политическая мысль. Пусть эта мысль еще пестра в своих формах и направлениях, но все равно, раз родившись, она не умрет и казаки научатся хоть и по разному, но думать о том, о чем они вообще не думали.

Далее, годы эмиграции принесли казачеству совершенно для него новый, неожиданный фактор: кадры собственных специалистов, окончивших высшие учебные заведения в различных странах Европы. Это фактор огромной важности и даже исторического значения. С этой точки зрения и скитание казаков по белому свету представляет также великолепную школу. Ответственные лица в СССР неоднократно указывали, что в процессе хозяйственной жизни страны очень большую роль играют сейчас новые методы и приемы, занесенные из Европы пленными со времени Великой войны. Какое же огромное количество знания, опыта, новых навыков и приемов принесет в свои земли ка-

зачья эмиграция, пробывши столько времени за границей, столько пережив и увидев. Ведь мы то и жить за границей уже стали по иному: свое хорошее мы никогда не забудем, на заграничное плохое его не променяем, но за то и много нового заграничного принесем. Это те стороны нашего заграничного пребывания, которые не могут быть уничтожены ни временем, ни самими тяжелыми материальными условиями. Здесь можно быть оптимистом твердым и до конца.

Нельзя предаваться бесграничному пессимизму и глядя на все, что творится дома. В календаре-альманахе В. К. в своем экономическом очерке мы неоднократно указывали к каким совершенно неожиданным результатам в ряде отраслей народного хозяйства привело господство большевиков: наряду с разорением сельского хозяйства — его интенсификация, размах кооперации, более бережливые методы хозяйничанья и т. д. Все это, конечно, создали не большевики, но факт тот, что оно создано, есть, и след., есть на темном небе звезды. Там котел, в котором варятся люди, но... вода кипит, жизнь пробуждена и уж никогда не уснет, а это много.

Мы не собирались разгонять ничьи темные мысли, никого лечить от пессимизма, хотели только указать, что и темная ночь не без звезд. Но теперь подчеркнем и обратное: ту иногда слишком большую долю легкомысленного оптимизма, с которым мы посмотрим на политические события нашего времени.

Прежде всего о самом времени. Мы все мыслим о сроках возвращения. Пройдет один срок, — мы в отчаянии. Немного оправимся, — назначаем второй срок, чтобы власть потом еще в большее отчаяние. А между тем, в истории „сроков“ вообще не бывает. Легкомысленный оптимизм приводит здесь к нездоровому пессимизму. Часто забываем мы и то, что каждый год приносит подрастание „там“ нового поколения, которого мы не знаем, и которое нас не знает, но с которым надо считаться, чтоб потом опять не отчаиваться.

Только здоровая комбинация элементов пессимизма и оптимизма может обуславливать веру в лучшее будущее. Чем продуманнее будут наши прогнозы будущего, тем более текущие события будут укреплять нашу веру. Пессимизм здоров там, где не удаляется от серьезного критического отношения к вещам и событиям. Оптимизм полезен тогда, когда не несет за собой очередных разочарований, но дает энергию и возбуждает силы для жизненной борьбы. Начертать и указать здесь точные пути очень трудно. Но сознательно подумать о них никому не мешает: без осторожного пессимизма, но твердого оптимизма в наше время жить трудно, ибо в них корень многих тех начал, которые мощно требуют современная жизнь от всех, кто не хочет быть раздавлен ее колесами.

О. Долинский.

II. Истрати обличителем большевизма.

II.

Книга Истрати — это сплошной обвинительный акт большевизма. Она кишит фактами, ярко характеризующими вопиющие злодеяния красного деспотизма.

Нет, пожалуй, страницы в ней, где бы нельзя было найти хотя одного обвинения по адресу советской бюрократии и администрации.

Из одних цитат и выдержек из нее можно было составить мозаичную картину того режима, который, обещая осласлвить весь мир, на деле создал безысходный ад в 1/3 части всего земного шара.

Чтобы не растягивать слишком этой статьи, пожалуй, целесообразным будет остановиться на заключительных главах путевых очерков этого автора, в которых подведены итоги его весьма печальных впечатлений от того, что он видел в красной империи современных oprичников.

Вот, напр., Кавказ, — „страна коммунистического дебоша“, по удачному выражению Истрати.

Кахетия, где в 1923 г. свирепствовал красней тер-

рор, потоками крови заливая пожар крестьянского восстания.

Автор эпически констатирует факт изгнания „грузинского крестьянина из его очага“, лишение его земли и приюта, захваченных партийными волками.

„Однажды вечером, пишет он (189), я мог один выйти и пойти посмотреть на одно из таких несчастных семейств, которые блуждают по всей стране, подыхая от голоду и ночью на вокзалах: есть отчего умереть с тоски... Вот что сделано из Грузии...“

Областные правительства всецело зависят от Москвы. Давление все время сверху. Низы беспрекословно должны повиноваться и молчать.

Власть стремится к одному: убить независимость ума и настоящей критики; использовать даже отъявленного мерзавца, по скольку он только р'яный партиец... —

Царская охрана — полагает автор, по сравнению с аналогичными советскими учреждениями, а особенно с домовыми комитетами — совсем невинная вещь.

Ибо — говорит он (190) — охрана была только хорошо организованною полицией, агенты которой отнюдь не представляли из себя секты. Но официальный коммунизм это — секта. Даже более; охрана не запускала черной своей руки в жизнь человека; она посягала только на его право думать; если человек не думал, как царь, он рисковал в один прекрасный день лишиться свободы или жизни, иногда обоих вместе. Это было все и он знал об этом; ожидая этого „случая“, человек мог еще зарабатывать себе на хлеб насущный. До или после высылки, рабочий, несмотря на „черные списки“ — оставался рабочим, достойным наема на работу и квартиры. Сегодня он этого лишен, по сколько он не думает, как предписывает Политбюро. Жестокая рука партии отнимает все: хлеб и приют. Одно подозрение и твое место на заводе как и твоя квартира пошатнулись. Еще один шаг по пути неповиновения и ты на мостовой: изгнанный из профсоюза и лишен своего труда; никто, никто не может дать тебе работу; ты предоставлен на произвол наиболее ужасной нищеты, голода и самоубийства. Наконец, если у тебя „плохая голова“ и ты возмущешься, в один прекрасный день тебя тайно заберут и никто из твоих товарищей не узнает, что с тобою случилось.

Вот что сделали...

Но сделаны и делаются все еще и другие вещи. И вот результат этого:

Террор, который бьет по жизни и приюту, т. е., наихудший из терроров, вызывает раньше или позже всеобщую распущенность; вместе взятые — одно и другое позволяет тиранам наслаждаться по своему усмотрению. (1:0-191)

В итоге безнаказанное свирепствование партийной и советской бюрократии: расхищение казенного имущества, насиливание женщин, пьянство, словом сплошной разврат:

„Земной рай — повествует автор, — Кавказ видел великолепные автомобили, сваливающиеся в пропасти со своими знаменитыми шефами, красивыми самками и товарищем-шофером, мертвецки пьяными“ (192).

Истрати описывает тут-же случай, какой с ним произошел в Астрахани. Он ехал с Раковским по городу в автомобиле исполкома. Шофер мчался, как сумасшедший, несмотря на предостережения седоков и, наконец, налетел на ребенка, переехал его, но, к счастью, не убил.

Истрати пишет, что моментально выскочил из машины и в присутствии Раковского закатил несколько основательных оплеух товарищу-шоферу исполкома.

Немудрено, что из своего путешествия-по СССР — Истрати возвращался в Москву с „мертвым сердцем“, прощаясь со своими „мечтами, проектами“, чувствуя себя по бежденным, правда на время только, и с желанием объявить непримиримую войну большевицкому режиму.

Истрати решил не ехать на Дальний Восток, а отсюда — в Китай и Японию, ибо, как сознается сам „считал потеренным дело, которое хотел защищать“.

В Москве он узнал, что советы решили отпраздновать юбилей М. Горького выпуском полного собрания его произведений, на что было асигновано Госиздатом миллион рублей.

Это его доканало. На фоне всеобщей нищеты и разорения во всем советском союзе, такое юбилейное предприятие было явным расточительством.

Он вспомнил, что ему сказал однажды известный американский писатель Уитон Синклер по поводу другого, тоже знаменитого американского писателя — Джек Лондона:

„Человек не может иметь контракт на тридцать шесть тысяч долларов в год с Hearst Magazines*) и сохранить живую свою душу“ (197).

Главная вещь, что ужасные злоупотребления власти и произвол компартии отнюдь не исключительное явление. Как раз наоборот: это в своем роде пов-

семстное и так бы сказать, совершенно „бытовое явление“.

В последней главе своих путевых заметок, писанных уже в Москве, Истрати собрал целую коллекцию таких жанровых картинок из современного советского быта, великолепно аттестующих режим „кулака-коммуниста“, как метко окрестил он Сталина, этого большевицкого хана на красном престоле в Кремле.

Вот, напр., Смоленск, где представители правительства и партийных учреждений, до милиции, ГПУ и даже красной печати включительно, в течение года развратничают и свирепствуют не хуже любого восточного деспота, особенно преследуя женщин.

Нельзя не отметить, что насиливание женщин в Совдепии за последнее время приняло прямо таки эпидемический характер, ярко комментируя новую мораль и нового человека, взлелеянного в удушливой атмосфере комсадизма.

Если бы случайно, один дебош смоленской комбанды не закончился убийством невинной жертвы, возможно, что проевол ее продолжался бы и по сию пору. А вот сценка из красной первопрестольной столицы СССР.

Несколько писателей и поэтов советской марки и, понятно, из числа пролетариев первой гильдии, завлекли однажды жену товарища, наркотиками довели ее до иступления, а затем по очереди изнасиловали. Утром, очнувшись и сообразив, что было с нею, она покончила самоубийством.

В провинции положение дел не лучше, скорее и понятно, хуже. Скандалы без числа и все на те же почти родные в советском быте мотивы: разврат, растрата денег, самодурство.

В одном прикаспийском городе, два выдающиеся коммуниста захватили женщину в свой автомобиль, привезли к себе и изнасиловали. Она оказалась женою одного из партийцев. Он сделал скандал и был исключен из партии.

Конечно в старой столице, т. е., Ленинграде — комскандалы явление тоже обычное.

Истрати упоминает о трех из них, хотя все они были заматы.

Это впервых дело местного комсола, уличенного в кражах, насилованиях и преступных злодеяниях вообще.

Это далее история с начальством одной местной тюрьмы, вымагавшего взятки телом от всех красивых женщин, которые приходили на свидание к своим заключенным мужьям.

И наконец — дело тоже заматое, героями какого были три председателя, а именно контрольной комиссии, ГПУ и ленинградского совета. Запершись с женщинами на целую ночь в каком-то укромном местечке, они прокутили и проиграли около двух миллионов франков.

Одновременно шел разгром оппозиции и всех, кто хотел бороться так или иначе с этими вопиющими злодеяниями под патронатом компартии и соввласти.

Недовольных и протестантов морили в тюрьмах, а то просто убивали, если они не унимались. Трупы их исчезали бесследно.

Год тому назад Истрати два раза обращался к одному совучреждению, знакомю его с беспримерными злодеяниями и вопиющими злоупотреблениями, которыми кишит советская жизнь. Конечно, никакого ответа не получил.

Перед отъездом в Европу, он посетил М. Горького, надеясь с ним поговорить об этих ужасах и в душе своей лелея мечту, что этот совбард выступит с публичным обличением эпидемического комбандитизма.

Понятно и эта мечта не оправдалась.

Положение рабочего класса в пролетарском государстве более чем печально, как об этом свидетельствует вся книга нашего автора.

Но то, что более всего поразило его, это полное отсутствие в СССР самой элементарной справедливости и всеобщий судебный произвол, как об этом блестяще повествует последняя часть его книги, озаглавленная: — „Дело Русакова — или СССР сегодня“.

Но об этой вопиющей и в то же время совсем обычной истории в стране серпа и молота — в следующей раз.

*) Известное американское издательское предприятие. О. Д.

Я. Лопух.

Пауки.

(Недавнее прошлое).

Еще в юности меня интересовал вопрос: почему на Кубани вся торговля была в руках армян и великороссов? Редко, редко в какой станице откроет, бывало лавченку казак; да и то 90% таких торговцев-казачков через пять-шесть лет превращало свое торговое заведение или в амбар, или под жилое помещение, или просто заколачивало и бралось за плуг. И только в девяностых годах, когда я состоял членом совета Камышевского ссудосберегательного т-ва и по делам его был в Екатеринодарском отделении государственного банка, мне удалось узнать в этом учреждении кое что по интересовавшему меня вопросу. Кроме того, приходилось слышать и рассказы стариков — как богатели на Кубани торговцы-москалы.

И вот из этих двух источников и личных моих наблюдений я, как мне кажется, и узнал причину этого явления.

Прежде всего я должен сказать, что у казаков-черноморцев, за редким исключением, есть какое то органическое отвращение к торговле. Явление это, по всей вероятности наследственное; так как предки черноморцев — запорожцы — считали торговлю самым позорным занятием. Доказательством этого служит картинка, которую не раз приходилось мне видеть в домах старых панів. На этой картине нарисован сидящий по турецки запорожец, и под ним надпись: „Хоч дивись не дивись, та ба, не вгадаєш. Відкіль родом і як звуть не чичирк не скажеш... чим хочеш, тим і називай, аби не крамарем, бо за це полаю“...

Так вот как хочешь называй запорожца, за это он не обидится, но если назовешь крамарем, сиречь торговцем, то за это-он обругает. Как видно, уж больно обидное было слово — торговец.

Так вот с одной стороны из казаков выходили плохие торговцы, а с другой — сильные конкуренты в лице армян и великороссов; первые умело пользовались дешевым кредитом из государственного банка, а вторые доверчивостью зажиточных казаков-труженников.

Главной задачей государственного банка было развитие торговли и промышленности, а поэтому ссуды выдавались купцам, фабрикантам и землевладельцам-собственникам; следовательно, казаку, не имеющему собственного участка земли, никоим образом нельзя было пользоваться кредитом из государственного банка. Купцам, фабрикантам и землевладельцам выдавались ссуды по постановлениям особого совещания каждого отделения государственного банка. В это совещание, кроме управляющего отделением банка и чиновников, входило несколько человек из крупных торговцев-купцов, фабрикантов и землевладельцев.

В Екатеринодаре крупные торговцы-купцы были преимущественно армяне: Тарасовы, Богарсуковы, Хачадуровы, Демержиевы и т. д. Вот они то главным образом из года в год и входили в состав совещания.

По станицам Черноморья были торговцы армяне мелкого калибра, забиравшие товары у тех же Тарасовых и Богарсуковых.

Вот эта мелкота, чтобы пользоваться дешевым кредитом государственного банка, выбирала из своей среды (нередко от трех-четырех станиц) более зажиточного торговца и сообщала платила за него гильдейский взнос. Таким образом, какойнибудь Хачатуров делался купцом.

Приблизительно в апреле месяце вновь испеченный купец являлся в Екатеринодар и подавал в отделение Государственного банка векселя для учета и другие документы с просьбой выдать ему на год 20—30 тысяч рублей ссуды, на торговлю; само собой разумеется, переговоривши предварительно с членами совета — своими соотечественниками — Тарасовыми или Богарсуковыми. Благодаря последним он в мае месяце получает просимую ссуду не дороже 9—10% годовых. Привозит деньги в станицу и делит между своими коллегами пропорционально взносу каждого за гильдейское свидетельство.

Получив от „купца“ 3—4 тысячи рублей, какой либо Тухманов привозит их в станицу, где имеет лавченку, и поджидает клиентов.

В те времена ни сенокосок ни жаток не было; трава и хлеб убирались пришлыми „рассейскими“ мужичками, которым, хоть умирай, а деньги плати сейчас же по окончании работы. Поэтому каждый домохозяин старался запастись деньгами на „косовицу“.

Думал казак продать на Троицкой ярмарке корову, а она заболела. Что делать. Откуда денег взять на косовицу? А время не ждет. Вот и идет казак к Тухманову.

— Здрастуйте, Тарас Григорович!

— Здрастуй Степане. Що скажеш хорошего?

— Та що ж його доброго сказаты? Я до Вас, Тарас Григорович, с просьбою.

— Що таке?

— Дайте грошей на косовицу.

— Скільки?

— Та рублів 50.

— Добре, можна. Коли отдаси?

— Та зараз після молотбы.

— Добре. Тільки заплатиш мені за 50 рублів проценту 2 рублі за три місяці, та привезеш мішок пшениці, та хоть невеликий віз сина. Поняв?

Та то нічого, Тарас Григорович, куда ж дінеся, добре...

— Ну, так іди в правленіє і пиши вексіль на 100 рублів.

— Та на що ж на 100? Я ж прошю тільки 50?

— А ты дурний, — нічого не понимаєш. Я дам тобі 48 рублів, а ти мені отдаси 50, мішок пшениці і віз сина; це як отдаси гроші і все друге до Семена (1-го сентября). А як не отдаси, то я тоді твій вексіль передам мировому, щоб він присудив с тебе 100 рублів. Це так, за для страху. Щоб у срок гроші преніс. Поняв? Це комерція.

— Та поняв то я поняв, та якось воно того...

— Нічого Степане, не бійся! Все буде добре. По Божому.

Почухав Степан потилицю і пішов у правленіє писать вексіля. Пришлося і в правлении заплатить двугривенный за бланк и „труды“.

Вручив вексель Тухманову и получив от него 48 рублей, пошел Степан домой. По дороге встретил кума.

— Здоров, Степане!

— Здоров.

— Де це ты ходьв, шо в черкесці?

— Та ходив у правление вексіля писать: позичив у Тухманова 50 карбованців.

— Ну, що ж? дав?

— Та дав спасьбі йому.

— От ба! Як там не кажи, а Тарас Григорович чоловік гарний: вируча нашого брата. Тухманов же в это время ведет точно такую же беседу уже с Петром. И к Тройце все 4 тысячи розданы.

К 1-му сентября Тухманов почти все розданные деньги собрал (два-три неоплаченные векселя пред'явлены подлежащему мировому судье); во дворе его красуются два стога сена, а в амбаре полон закром пшеницы. Таким образом, за три месяца Тухманов взял за 50 рублей — 2 рубля деньгами, мешок пшеницы 2 пуда — 1 р. 60 к. и воз сена — 3 руб., а всего 6 руб. 60 коп., т. е. больше чем 52% годовых.

На собранные с должников деньги Тухманов к осеннему сезону у того же Тарасова или Богарсукова покупает товару и делает первый торговый оборот; к рождественским праздникам второй и к пасхе третий. Следовательно, и на этом деле он зарабатывает чистых не меньше 30%.

К концу апреля Хачатуров, получив от своих коллег деньги, своевременно, и иногда и до срока, вносит их в отделение Государственного банка, а недели через две опять берет, и „обороты“ начинаются вновь.

В общем итоге русское государство помогало армянам сдирать с казаков 80%, из которых 10% шло в казну, а 70% в карманы армянам. Это на законном основании.

И только в 90 годах, когда по станицам появились первые ссудо-сберегательные товарищества, „обороты“ армян стали падать, так как Государственный банк, правда, с большой натяжкой, но все же начал выдавать ссуды Т-вам, а последние казакам-хлеборобам.

До восьмидесятых годов на Кубань в конце лета приходило из центральной России много коробейников, или — как их называли на Кубани — крамарей. Некоторые из них приходили в известный район станиц несколько лет подряд, заводили знакомства, пока, наконец, неоставались в какой либо станице на постоянное жительство и открывали мелкую торговлю; но коробки своей пока не бросали и в конце лета и осенью ходили по станице.

Лица эти очень быстро узнавали население станицы, в особенности материальное благосостояние обывателя, так как на деньги зажиточных казаков они впоследствии и богатели.

Наметив себе жертву, какой либо Авил Акакиевич Хренов заходит с коробкой во двор зажиточного казака, где идет работа на току среди двора.

— Здравствуйте, Петр Емельянович! Здравствуйте, милые труженики! Бог помочь! Слащавым голоском начинает наш Хренов, скинув шапку и низко кланаясь.

— Здоров, здоров! Чого це ти прийшов? Все одно нічого купувати не будемо. Бачиш, — николи.

— Да разве, Петр Емельяныч, только ради торговли и заходят. К хорошим людям и так зайти приятно. Отдохнуть маленечко, да умных речей послушать, садясь на какой либо пенек или „призбу“ поет Хренов, сваливая с плеч коробку.

Девчонки и мальчики обступили коробейника и с любопытством поглядывают и на коробку и на длинноробородого коробейника.

— Это твои, штоль, будут? Спрашивает Хренов указывая на детвору.

— А то ж чий? Хлопчик більшенький — мій син, самый найменший, а ті дриб'язок — онуки.

Хренов начинает развязывать свою лубочную коробку.

— Та я ж тобі кажу, що нічого купувати не будемо. За для чого ж ти роз'язуеш?

— Да что ты такой сердитый, Петр Емельяныч? Аль не с той ноги обулся? Пусть детвора то на товар поглазеет. Для них ведь это поди как антиресно!

Порылся Хренов в коробке, достал два медных крестика и два таких же образочка и одарил ими детвору: крестики дал мальчикам, а образки — девочкам.

Носите, деточки, на здоровье. Богу молитесь да родителей почитайте.

Поговорив еще немного с хозяином об урожае, Хренов собрал коробку и, пожелав всех благ хозяину и всей его семье, ушел.

Через неделю опять зашел. На этот раз он был принят более миролюбиво и ему удалось кое что продать; при чем продал он очень дешево и под конец подарил хозяйской дочери-подростку дешевенькие сережки.

По уходе Хренова начался разговор о купленных дешево вещах и о подарке.

— От дивись! Хоч і москаль Вавилка, а чоловік гарний, сказав в заключение хозяин.

В ближайший праздник Хренов, сидя в своей лавченке, зорко следит за идущим по улице из церкви народом. Увидя Петра Емельяновича Верныгору, он зывает его в свою лавченку, а потом и в комнату, непосредственно примыкающую к лавочке. В комнате приготовлены водочка, закусточка и шипящий самовар.

После трех — четырех рюмок и приличествующего к праздничному дню разговора, Хренов со вздохом начинает подходить к цели.

Да, Петр Емельяныч! в этом году Господь, по своей милости к нам грешным, хлебушко зародил в избилни.

— Та, слава Богу, цей рік люди хліба намолотять нимало.

— Вот и я, Петр Емельяныч, думал свою торговлю к осени расширить, мануфактуры прикупить, да денег нет.

— І не кажіть, Вавила Акакович! І де вони ті гроші подівались? От і у мене? Нема, хоч плач.

На этот раз „деловой“ разговор на этом и окончился.

В следующий праздник та же история; но только после 5—6 рюмок выпитой водочки наш Вавил Акакиевич самым сладчайшим голоском вдруг обращается к Верныгору:

— Эх, Петр Емельяныч, стар уж я становлюсь: тяжело коробку то с товаром носить. Задумал я, Петр Емельяныч, лошадку купить да в развоз торговлю повести. Дело весьма хорошее, да денег у меня маловато. Не дадите ли Вы мне, Петр Емельяныч, рубликов 300 в займы? Век буду за Вас Бога молить!

— Та що це Ви, Вавил Акакович? Господь з Вами. Де в мене такі гроші?

— Ну, Петр Емельяныч, Вам то уж грех на Бога роптать на безденежье: ведь Вы недавно 80 валахов продали, кажись, по шесть с полтиной.

— Е... е... та воно... того... хоч і продав, та і дірок багато на ті гроші. От синові треба послать...

— Ну, что же? Хватит и сыну послать и мне дать, а уж я Вас во как отблагодарю!

— Та воно того... та якось...

— Ведь у Вас, Петр Емельяныч, деньги без движения лежат, а я их в оборот пушу, копеечку на них заработаю. Ведь вот и в святом евангелии, в притче о талантах, сказано, что грех капиталы без движения держать, продолжает напевать хитрый Хренов, а сам в это время подливает в рюмку Верныгору.

— Так, так, Вавил Акакович, гріх, гріх, починает поддакивать раскрасневшийся Верныгора.

— Вот то-то и есть! А уж я Вам, дорогой мой, во всякое время в пригоде стану!

Наконец, выпив еще две — три рюмки „очищенной“ и выслушав еще несколько доказательств о греховности держать деньги спрятанными, Верныгора достал из-за голенища грязную тряпку, достал из нее три радужных и вручил таковые Хренову.

— Нати. Та глядит нікому не кажіть про це діло.

— Не беспокойтесь, Петр Емельяныч, нікому не скажу; вот те крест! Радостно проговорил Хренов, пряча деньги в свой бумажник.

— Так, ото ж, дивиться!

— Хорошо, хорошо, Петр Емельяныч. А уж ежели Вам понадобится какого товара, то пожалуйста; берите как у себя дома; лишнего не положим, по своей цене для Вас отпускать будем.

Через месяц заходит Верныгора с женой в лавочку к Хренову; набрал разного товару рублей на 10.

— Ви ж, Вавило Акакович, запишіть там. Бо раз у мене грошей нема.

— Хорошо, хорошо, Петр Емельяныч, не беспокойтесь запишем.

Месяца через два заходит Верныгора к Хренову и просит у него рублей 15 деньгами.

— С удовольствием, Петр Емельяныч. Берите как у себя в кармане.

Таким образом, то деньгами, то товаром, Верныгора год за полтора отобрал рублей двести.

В один из праздничных дней заходит Верныгора к Хренову.

— А давайте почитаемось, Вавило Акакович, скільки там забрано та скільки осталось, бо мені грошенят треба.

— С удовольствием, Петр Емельяныч. Заходите в комнату.

После закуски с выпивкой Хренов начинает щелкать счетами.

— Так вот, в общем итоге, и товаром, и деньгами, забрано 247 р. 48 к. Следовательно остается доплатить Вам 52 руб. 52 коп.

— Так як же це так? А я щитав так рублів на двісті, не більше.

— Нет, Петр Емельяныч, по книге так значится.

Вы должно быть запомнили. Вот слушайте. И начинается чтение перечня забранного товара и денег. На одном из пунктов забора товару Вернигора вдруг задает вопрос:

— Так же Ви кажете стара моя без мене брала?
— Да, да, Петр Емельяныч.

— Ач, падлюка стара, скільки набрала! Ну, прийду додому, так я ж їй дам платків кишимірових.

Получив 52 р. 52 к., Вернигора зашел в духан, выпил еще немного и пошел домой „рассчитываться“ с ни в чем неповинной „старой“, которая никаких „кишимировых“ платков у Хренова не брала.

А Хренов? Хренов перечеркнул забор Вернигоры, пересмотрел заборы других клиентов, подобранных Вернигоре, потер от удовольствия руки и пошел во двор посмотреть на свою сытую лошадку; так как благодаря „вернигорам“, он давно уже забросил коробку и развозит товар по станице на повозке, меняя таковой преимущественно на зерновой хлеб. Последний способ торговли был самый выгодный.

Лет через 10—15 у Хренова уже не лавченка, а лавка на целый тес и большой дом под железной крышей. В дни именин у него в гостях и священник, и учитель, и атаманы; он уже давно состоит почетным блю-

стителем местного училища, за что и награжден серебряной медалью с надписью „за усердие“. У Вернигоры же старенькая хата как будто стала еще ниже. Старшего сына выделил на свое хозяйство, взял план на второго сына, а третьего готовит к выходу на службу. Благодаря „справке“ сыновей и уменьшению паевых наделов, овцеводство пришлось ликвидировать.

Как же реагировало на все это наше начальство? Да никак! Мне кажется, что оно за редким исключением над материальным благосостоянием казака и не задумывалось.

Уездные начальники (тогда еще были таковые) „предписывали“, станковые пристава по станицам раз'езжали да на атаманов кричали; а Накозные Атаманы, Атаманы отделов и начальство второочередных полков строго заботились об исправном выходе казаков на службу: браковали лошадей и снаряжение. Полковое начальство подвергало неисправных казаков аресту, посылая их для отбытия наказания в другие станицы, а Атаманы отделов подвергали аресту станичных атаманов. И каждый из начальствующих лиц старался выслужиться за счет казака. А как отражалось это выслуживание на казачьем благосостоянии, до этого никому никакого дела не было.

Шалвур Нимниов.

Цаганские воспоминания.

Однообразно, как и все праздники народов, но всегда торжественно, в истинном веселии, по настоящему обильно, проводился он у нас из года в год.

Лихие скачки, веселые и многолюдные „надоны“ — вечеринки и робкие флирты молодежи...

Но настали годы. И помню я Цаган: Бескрайная степь, по колено лошади покрытая ровным, искрящимся на солнце, сыпучим снегом. Бороздящий ее тусклыми копыт конный корпус, а вечером, голодный ноцлег под скирдою, морозная, бурная ночь, костры и уродливые, заиндевелые конские морды вокруг...

А жена моя, прерывая нить моих воспоминаний, говорит о том же Цагане, встреченном ею на занесенной снегом повозке с полотняной будочкой в открытой степи, под жуткой вой ночного бурана. Тысячами ведьминых голосов свищет и жужжит ветер пустыни, а в заснеженных будочках едва теплится жизнь: бредит сестра в тифозной горячке, здесь сгорает в оспе свекор, там плачет голодный ребенок... Ночь ужаса и смерти. Голодные и усталые быки дрожа суют морды в будочку и время от времени жалобно мычат, прося корму... Только калмычка, все выносящая и все умеющая, борется с природой. Разведя костер из последней щепки и мокрой соломы, она оттаивает снег в котле, греет воду, месит тесто, коченеющими руками лепит борцыки, а на утро и голый малыш под овчинной шубой в будке и случайно встретившийся муж — зюнгарец получают в знак Цагана по паре мерзлых борцыков, а тихая мученица — калмычка равнодушно запряжет истощенных волов и движется дальше, на встречу еще не слыханным мукам, лишь бы уйти от безобразий обезумевшего русского красного хама.

Печальный и необычайный был тот Цаган. На месте ноцлега табора остались десятки трупов завернутых в прокопченные полсти, в ширдыки, трупы стариков, мужчин, женщин и детей.

Потом настал и еще Цаган: В тесных и дымных

норах, вырытых в сырой и песчанной земле, под треск сухого вереска жарились борцыки, на последние пиастры закушался дрянной греческий коньяк, в углоках землянок теплились лампы из кокосового масла, а утром, перед фронтом выстроенных сотен, проходил командир полка и поздравлял зюнгацев с праздником. А в тесных и грязных беженских бараках Сюлиме, Тузлы, Лана и Бернадота лилась тягучая, душу шемащая, тоску по степи и коню нагоняющая, песня калмычки.

Помню и еще два Цагана: Они были похожи друг на друга. Английское командование, умеющее уважать традиции народов, дало нам два дня свободы, приказало резать коня и пускать в лагерь гостей к калмыкам. Длиннейший стол, ломающийся от заграничных яств, батареи бутылки виски, джина, смирновки и черного пива. Приглашенные бакши в своем духовном одеянии служат молебен и рядом с ними — бесстрастное лицо английского капитана. А потом, грандиозная попойка всего лагеря, перекинувшаяся и на англичан...

И теперь: в Болгарии пьют ракию, в Сербии ракию, во Франции вина, но везде зажигают лампы, возносят молитву к Богу и неизменно поют свою песню, песню степи...

Там гуляют с братушками болгарам и сербам, здесь танцуют фокстрот с французенками и чешками, но не забывают только своего Бога, песню и свои степи, а пока так, то жив будет народ калмыцкий и настанут опять Цаганы по старому, по былому. Опять зазвучат на заре мощные буре, цанг, мелодичный янг, поскачут из станицы в станицу шайки лихих наездников и еще звонче полетят песня калмычки. А зачатки калмыцкой сцены в Чешской Страшнице превратятся в свое время в национальные театры, где наяву пройдут перед нами картины нашего прошлого, великого былого, а маленький наш оркестр, будет родоначальником Калмыцкой национальной филармонии...

Братья — казаки! приобретите каждый Календарь-альманах „Вольного Казачества—Вильного Козацтва“ на 1930 год.

В сборнике-альманахе календаря помещены статьи по истории Казачества, по экономике Казачьих Земель, много публицистических и литературных произведений казачьих писателей.

Казаки, поддержите казачью книгу!

Цена Календаря-альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгарии — 50 лева.

Сергей Макеев.

Обороты.

(Вместо фельетона).

- Здорово оборот!
- Это еще что за новое приветствие?
- Разве ты не читал?
- Что?
- „Царский Вестник“?
- Что за штука такая?
- Да не штука, брат, а газета!
- Ну? Первый раз слышу!
- А вот полюбуйся, тогда узнаешь в чем дело!

Мой приятель вынул из кармана смятую газету и вручил мне. Черным по белому написано, что это орган — высокопоставленных... и иже с ними находящихся лизоблюдов и прихлебателей всех рангов, категорий, чинов и званий, от шталмейстера до егермейстера включительно. Далее следует год и место издания, число, месяц, день и номер. Все то, что полагается в каждой легально издающейся газете. Вначале передовица и официальные извещения.

— Ты смотри четвертую страницу, вся соль там! Я поспешно перевернул номер и впился расширенными зрачками в красиво написанный фельетон о „Вольном Казачестве“, написанный современным русским журналистом с романтической, хотя и звериной фамилией. Но это не важно, фамилия дело второстепенное, можно забыть быстро, а вот литературное творчество останется на веки и будет служить памятником среди всех верноподданных сынов.

Взять к примеру этот самый ничего не стоящий на первый взгляд фельетон. А сколько в нем художественной красоты, поэзии, чувства, романтики, любви... Определеннейший талант!... Прямо таки поразительно! И совершенно новый язык! Никакие там Пушкины не могут конкурировать! Уж одно слово „оборот“ чего стоит! Новое слово! Еще не встречалось до сего не только в литературе, но и на Хитровом рынке. А вот этот некий Ланин откопал и поместил на страницах „Царского Вестника“. Будем надеяться, что будущие российские бессмертные занесут это красивое словечко в академический словарь и признают его достоянием русской литературы. Вероятно и в государевых грамотах будут писать, что император не всероссийский, а оборотский, царь польский, великий князь финляндский и прочая и прочая...

— Чему ты улыбаешься? — огрызнулся приятель.

— Как чему? Странно! Ты проникнись литературным сознанием и посмотри, какая прелесть, какой слог,

какая красота!... „Чуден Днепр при тихой погоде!“ и никакой разницы!... Гений! Определеннейший гений!

— А что в будущем этот самый гений собирается нас вольных казаков повесить, так и в этом ты находишь красоту и прелесть!?

— На это я не обращаю никакого внимания. Зачем за десятки лет заскакивать вперед и приподнимать политическую завесу. Палка о двух концах, и неизвестно еще каким концом она ударит и по чьей спине! Надо жить настоящим и радоваться от души, что в наш трудный, тяжелый век, русская эмиграция обогатилась еще одним талантом!

— Значит, по твоему выходит, что все нужно пропускать мимо ушей? Пусть говорят и пишут что им угодно?

— Все! Решительно все, что касается политики!

— Сегодня будут запугивать Мейснеры, завтра Ланины, после завтра Соловейчики, а ты ходи и улыбайся!?

— Ходи и улыбайся, а устанешь, садись! Не на Марс же лететь, или вниз головой с Эйфелевой башни прыгать? Что?

— Я тебя не понимаю?

— Нет, ты меня поймешь! Ты только не хочешь понять? Прочитай еще раз фельетон и вдумайся!

— Во что?

— В стиль! В красоту! В поэзию! Новый язык нарождается, а он дубина стоеросовая понять не может! Одно у него на уме — запугивают! Да и черт с ними, пусть запугивают! А вот через десяток лет, ты не будешь понимать старый русский язык, так это да! Новый язык появится... а все эти Пушкины, Лермонтовы, Гоголи пойдут на смарку.

— „Обороты!“, „остолопы!“, „охальники!“ Какая прелесть! Ей! Ей!

— Ты с ума сошел! До свиданья!

— Будь здоров! Не обижайся, пожалуйста! Ты знаешь, что я помешан на новой литературе!

— Интересно в будущем взглянуть на тебя, когда ты будешь повешен! Повешен вот так, за шею, что и слово „оборот“ не выговоришь!

— Ну, ну, ну, не шути. Я ж тебе сказал, что палка о двух концах! Все таки, какая прелесть! Ах!... Приятель не глядя на меня вырвал газету и быстро зашагал к бару, должно быть успокоить нервы стаканчиком красного, а я в догонку крикнул ему:

— Неуч! Невежа! Безграмотный оборот!

Думы и мысли.

Петр Крюков. (Франция).

ПОД ВОЛЬНОЕ ЗНАМЯ, СТАНИЧНИКИ!..

Ковыльные сказы про древнюю Волю,
Витавшие раньше по Дикому Полю,
Журчавшие было родимых степей, —
Дожили до более радостных дней.

Лелея в сердцах мелодичные сказы
И к Воле казачьей от русской проказы
Стремясь найти выход — слетелись орлы
И знамя развили — Казачьей Страны..

Два года прошло, как зареяло Знамя,
Как вспыхнуло в сердце Казачества пламя
Великого дела — священной борьбы:
За Волю, за честь, за свободу Страны!

И реет то Знамя: зовет казаков
К старинной свободе из русских оков!
Зовет Оно вспомнить, что мы — казаки
Свободу имели и раньше; руки

Своей не тянули мы к русской Москве
С мольбой о свободе — на нашей Земле.

Теория русских (pardon! —) чудачков:

— Свобода народу — для нас — казаков

Смешна! Ибо знаем мы наших соседей,
Носящих клеймо „белых русских медведей“!
Свобода у них может быть на бумаге,
В словах и мечтах, иль за чаркою браги.

„Свобода“ у русских (в понятии нашем):

— На вас, казаки мы Россию всю вспашем.

„Свобода у них — это значит — кагал
„Великих“, да „грозных“. Вот тот капитал,
Которым Москва хочет нас наделить
Уже триста лет! Вот и думай: как быть?..

... А там... в волнах марева мчатся виденья —
Зилунные рыцари... Вы! Привиденья!
Сокройтесь в могилы прошедших веков
И знайте, — что вольных орлов-казаков
Слетаются стаи и клекот орлиный
Уж скоро раздастся над милой равниной
Родимых, привольных, казачьих степей!..

... Под Вольное Знамя, станичники!.. Гей!..

Виктор Карпушкин. (Брно).

КАЗАКУ - ЭМИГРАНТУ.

Спишь, казак, иль только дремлешь,
Стоя у станка,
Иль машины песне внемлешь
— Песне без конца;
Вспоминаешь ли былое,
Что уж в прошлом снит,
Все, что сердцу дорогое,
К чему мысль летит;
Или может ширь степная
Все тебя манит,
Где станица дорогая
Уж века стоит...
Жизнь не сладка эмигранта,
Что и говорить,

Лучше было б арестанта
Курточку носить...
День за днем, неделя, месяц,
Годы все летят;
Долго уж не слышишь песен
Девоч и ребят.
Все ж тоску-кручину злую
С сердца отряхни,
Присмотрись ты в жизнь чужую,
В руки мысль возьми!...
Трудно, может, по-неволе
У станка служить,
Но ведь: „горе — нам не горе!“
— Песня говорит...
Верь, вернется дорогое,
Песня зазвенит,
И забудешь время злое...
Так о чем тужить?!...

Печать.

„Горцы Кавказа“ по казачьему вопросу.

В последней (январьской, № 12) книжке „Горцев Кавказа“ помещены две статьи, затрагивающие казачий вопрос. С сожалением должны отметить здесь, что статьи эти спорят одна с другой.

В то время, как одна из них, подписанная Азаматом, констатирует, что на территории Казачьи (на север от территории северо-кавказской республики) выросли „новые факторы“, которые „будут иметь серьезное влияние на ход предстоящих событий и на осуществление Кавказской проблемы“, — другая статья, подписанная Борис-Бием, таких „новых факторов“ не хочет знать совершенно.

Г-н Азамат рассматривает эти факторы „как в высшей степени значительные и положительные“:

„Выход многомиллионного казачества на путь независимости есть тот новый фактор, который соответственно и расцениваем и который сегодня уже реален, — учет которого необходимо при изучении Кавказской проблемы“. — Так говорит один автор.

Другой автор, г. Борис-Бий, несколькими страницами ниже утверждает, что „казачий сепаратизм на северном Кавказе есть исключительно явлением сословно-бытовым, социально-эко-

номическим, анахронизмом, шагом назад и, как ни странно на первый взгляд, продуктом царизма(!), логическим завершением политики покровительства и фаворизации одной группы населения в ущерб группам остальным“...

В виду того, что обе статьи совершенно противоречат одна другой, первая опровергает другую, нам нет большой необходимости вступать в полемику со вторым автором. Если мы вообще отмечаем появление таких „перлов“, то только для того, чтобы обратить внимание редакции „Горцев Кавказа“ на некоторую „рискованность“ (для самой же редакции „Г. К.“) такого сочетания.

Мы понимаем возможность одновременного появления подобных несуразностей только отсутствием пока у „Г. К.“ ясного решения по казачьему вопросу. Очевидно, что как Казачеству нужно иметь и свое решение горского вопроса и горцам придется решать для себя казачий вопрос. В интересах обеих сторон, чтобы эти решения по крайней мере не расходились по диаметрально противоположным направлениям.

Пока можем только сказать здесь, к сведению „Г. К.“, что, из двух затронутых выше авторов, с нашей точки зрения, ближе к истине первый. Второй автор казаче-горского вопроса не решит.

Иностранцы о казаках.

„Путешествие философское, политическое и литературное, совершенное в России в 1788—1789 г. г. Шантро*) т. I. Глава XIII. Русская армия... Казаки“. (Стр. 210—213).

„Казаки, имя которых видят так часто повторяемым в газетах или у историков, состоят из нескольких народностей, имеющих, однако, одни и те же нравы (обычай), — в общем среднего роста, носят усы очень короткие, бреют голову, кроме макушки, где они остав-

ляют немного волос. Их одежда — плащ, подбитый мехом, длинная одежда на манер азиатской, широкие штаны, сапоги или башмаки без шпор... и плеть (нагайка), которая всегда висит на запястьи правой руки. Их оружие — копьё (пика) около 12 футов длины, пара пистолетов, которые они носят за поясом (кушаком) с левого бока... Они имеют очень кривые сабли, рукоятка которых очень проста — из железа в виде креста. Казачьи лошади малорослые, но выносливые и живые. Казаки пользуются седлами на манер гусарских, маленькая сетка служит им вместо уздечки, (из узких полос прикрепленных к седлу и связанных узлами). Они никогда не пускают своих лошадей по прямому направлению; но идя галопом, они заставляют их брать раз-

*) Описание этого путешествия издано было на французском языке в Париже в 1794 г.

личное направление, если кто принимает их опасную атаку, особенно, когда они предпринимают ее против линейной кавалерии; их аллюр такой же, как у гусар.

Когда они в покое, они держат свои копья (пики) прикрепленными к ноге; во время боя они направляют их против неприятеля, держа почти за середину, зажав внизу (под мышкой) руки. Постоянное упражнение дает возможность им пользоваться пикой с исключительным умением.

Во время их отступления, которое никогда не является бегством (отступлением вынужденным) для них, но способом сражаться, они кладут пику на плечо острием, обращенным к противнику, что служит способом отражать удары, и что является иногда роковым для неприятеля, если он преследует без предосторожностей человека, со стороны которого бегство является простой хитростью.

Отступление казаков, вне какого бы то ни было порядка, представляет только маневр против эскадрона, чтобы заставить его принять схватку (в одиночку), в которой они его превосходят.

Они рассыпаются, когда противник бежит и тогда они становятся для него страшными, вследствие своей отваги и способа наступать его.

Отряд, который имеет подобных людей, не имел бы возможности собраться, если бы не было у них к тому доброй воли.

Казаки еще превосходны при действиях в стране, изобилующей лесами, при всякого рода разведке и охране; их проницательность при такой службе — плод долгой привычки, является вещью удивительной. Исследуя места, пройденные перед тем в большом беспорядке противником, они довольно точно определяют

число лошадей, которое прошло там. Некоторые из них наблюдают движения отряда на необыкновенном расстоянии, другие, приложив ухо к земле, определяют с очень большого расстояния шум марша людей и лошадей. Они способны оставаться под оружием целый день без ропота.

Наконец, неустанные утомлять врага, особенно если имеют некоторую надежду на добычу, трезвые (воздержанные) в случаях, когда этому быть надлежит, что бывает часто на войне, они умеют довольствоваться немногим, и не нуждаются в подвозе (снабжении) фуража для своих лошадей, т. к. они приучили их переносить голод и жажду; но во время отдыха, когда они бывают в поиске припасов и фуража, казаки предпочитают отягчить себя связкой сена (травы), чем куском говяжьего мяса.

Между этого рода людьми... донские казаки являются наиболее отличающимися в армиях русских, где они составляют самый значительный корпус. Их глава носит имя Атамана...

Вот различные контингенты войск, которые составляют во время войны казаки народности (nations):

Донские казаки	24.976 бойцов.
Оренбургские*)	9.932
Астраханские	4.340
Тобольские и окр. (т. е.	
Сибирские)	9.553
	48.801

Сообщил Ис. Б.—ов.

*) В числе оренбургских, вероятно, показано и войско яицких (уральских) казаков, а в числе Астраханских — Терские казаки.

Казачья эмиграция.

Концерт-бал Кубанских черкешенок в Париже.

Здесь, в Париже, водится такой „адат“: каждая организация устраивает раз в году свой традиционный „вечер“, обыкновенно — благотворительный. Ежегодно устраивают его и черкесы.

25-го января с. г., небольшое, но светлое и чистенькое помещение зала Гужон, быстро наполняется гостями. Русская и французская публика заполняет все ряды и проходы. И несмотря на это — было как то своеобразно тихо и уютно, как-то семейственно и чувствовалась какая то таинственность в вечере, что-то ожидаемое неведомое, к которому каждый, идя на бал, стремился. Концертное отделение прошло как и на всех подобных вечерах, разве вот только появление настоящих тифлиских „кинто“, в доподлинных своих костюмах, с настоящими „сазандариями“ и неподражаемыми куплетами, даже с положенным акцентом — „на злобу дня“ — вывело публику из „равновесия“.

Но вот начался бал. В нем то и сказался весь „гвоздь“ черкесского вечера, этого „таинственного, неведомого“... очаровавшего всех. В него был пущен сильный колорит их своеобразных танцев, в характерных и строго выдержанных национальных костюмах, в особенности женских — дорогих и редкостных.

Верные своему „адату“ — почти все черкешенки и вся горская молодежь пришли на вечер в своих кавказских костюмах. И это не чувствовалось для постороннего глаза какой-то преумышленной с их стороны декорацией, а это была жизнь, жизнь их души в своей доподлинности в их годовой праздник-бал, на который они пришли словно в свой дом — саклю.

В длинных до самого полу нарядных и дорогих цветных платьях-бешметах, сплошь стильно расшитых галуном, туго обхватывающих фигуру до пояса и узко затянутых в талии золотым кавказским галуном, с белою пышною косынкою-чадрю на голове — черкешенки резко выделялись среди полуоглохлых многочисленных дам-гостей, привлекая взоры всех своею скромностью в манерах и восточным изяществом фигуры.

Молодежь в черкесах и при кинжалах, в папахах на голове во все время бала, затянутая ремнем, как будто беспечно, прислонясь к стене, маленькими группами — разбросалась по всем закоулкам и все что-то говорила на своем никому непонятном языке. И это было так характерно для тех, кто знает горцев, что — словно находимся в ауле „на свадьбе“, где „парубки“ стоят отдельно у стены, а барышни — также, но напротив.

За буфетом, несколько старших дам-черкешенок, также в своих характерных костюмах заботливо хлопотали „по хозяйству“. Среди них и супруга генерала Султан-Келеч-Гирея. Его самого не было. „Остался с маленькой дочуркой домоседовать“ — как пояснила мне княгиня.

Прерван „джаз“ и вот, как-то неожиданно бринькнули „сазандари“, затарабанил „тулумбас“ и порывисто захватывающим темпом „лезгинки“ — выскочил из толпы в круг красавец, терский кабардинец Таукан Теремов, стильно одетый и перетянутый в талии... Изящно програсировав несколько туров и словно балерина сделал несколько скачков и пируэтов „на пальцах“ — он ловко подскокил к своей-же кабардинке Фатии Пшишевой и красивым „па“ вызвал ее в круг. Потупив взор, плавно, стесняясь и прикрыв лицо изогнутыми руками, как-бы обороняясь от хищнических взглядов красавца-танцора — лебедью белою поплыла худенькая и изящная кабардиночка...

Пара за парю, одна лучше другой, чередуясь в каком-то неуловимом и деликатном порядке — осетинка М-ле Катя Буркацева, черкешенка М-ле Нафисет Шавгенова, кабардинка Шакова и азейберджанка Тончибашева, со своими несравненными танцорами Русланом Джамбековым, Гени Мистуловым, Мурад беом Туаевым и Асламбеком Гудаловым — они чаровали без конца всех, примолкших, словно загипнотизированных и лишь конец танца, взрывом бешенных аплодисментов, говорил о переживаемом восторге.

Я был также очарован ими — танцами, черкесками, черкешенками в „чадрах“ и всею постановкою вечера — умного и изящного — и в душе гордился своими,

— близкими и дорогими нам казакам, — соседями черкесами и нарване с ними переживал всю прелесть вечера. Они устроили последний свой „национальный“ вечер, дав гостям достаточно яркое представление о своем маленьком, но гордом и благородном народе. У них этому можно даже поучиться нам казакам, т. к. два казачьих вечера в Париже — были весьма и весьма бледны своими казачьими „номерами“, а черкесками на них блистали только единицы. „Галстук“ — буквально заел душу казака и он его не снимает даже и на свой единственный в году вечер. Так, незаметно и для самих нас, черкеска может постепенно перейти в область воспоминаний... Это факт, на который я не закрываю глаза перед многими казаками в Париже. Черкесы оказались более стойкими в своей форме одежды, чем мы. А если принять во внимание, что „на балу черкешенок“ было всего лишь 2 кубанских казака со всего казачьего Парижа, то это наведет на невеселые размышления.

Козак Бидолага.

Казаки и Донской кадетский корпус.

В этой статье я хочу показать какую роль играл кадетский корпус на Родине и что делается с ним на чужбине.

Как известно, Донской кадетский корпус был основан с большим трудом и громадной затратой энергии в 1883 году, в городе Новочеркасске — самой центре Донского Казачества. Целью основания было — дать кадр офицеров-казачков. Поэтому в Донской кадетский корпус принимались дети-казаки. Директор и воспитатели корпуса заботились не только о том, чтобы из корпуса выходили люди со знанием, но и о том, чтобы они действительно были казаками. Ничто казачье не было забыто. Корпус разделялся на части, которые, в отличие от других корпусов, назывались сотнями. Портреты славных атаманов и сами беседы воспитателей учили тому, что ты казак и никогда не должен этого забывать и с гордо поднятой главой должен носить это имя. Строевое учение носило также казачий отпечаток. Благодаря всему этому, кадеты действительно выходили офицерами-казаками, горячо любящими свою Родину — Тихий Дон.

Но вот грянула гроза — „Великая бескровная“ и корпус перенес много испытаний и перемен: он побывал в Египте, Константинополе и, наконец, попал в Сербию.

По моему мнению наставники кадет должны, даже обязаны, более чем когда либо, поддерживать тот дух, который начал развиваться в молодых душах. Но на наших глазах происходит явление совершенно обратное. Офицеры-казаки, под чьим то давлением, исчезают, а на их места появляются офицеры с совершенно противоположными взглядами. И так, в корпусе происходят перемены. До сих пор глава корпуса, вместо того, чтобы указать воспитателям их места и обязанности, слушает напевы какой-то комиссии, которой не только казачество ненавистно, но и сам военный дух. Дети-казаки, поступающие в корпус, испытывают на каждом шагу оскорбления от кадет, враждебных казакам (их сейчас в корпусе много) и этому всячески способствуют воспитатели и даже директор. Вместо того, чтобы поддерживать дух кадет-казачков, им говорят: „Ваши деды — враги гусарству и вы, если исполняете заветы старины, являетесь „самостийниками“. Это говорят не только кадеты, но и воспитатели, в большинстве случаев, искажая слово „самостийник“.

Чтобы искоренить „дух старины“, даже сотни переименовались в возрасты.

Кадеты, сочувствующие казакам, видя, что их не поддерживают старшие, собрались сами сплоченной массой, записали Заветы Отцов, чтобы можно было их передавать из поколения в поколение, и сами развивают тот дух, который должен жить в казачьем кадетском корпусе.

Это не есть политика, как ошибочно думают и представляют себе кадеты, враждебные казакам, воспитатели и директор, а это есть то лучшее, что оста-

лось от Родины, от казачества и то, что называется любовью к своей Родине.

Я, до сих пор, не понимаю, почему такая ненависть к казакам. Кажется, довольно пролито казачьей крови для того, чтобы мнение о казаках переменялось, но нет, „доброжелатели“ казачков стараются наложить пятно, загрязнить чемнибудь славное имя казака.

Все кричат о том, что казаки-самостийники, желают самоуправления. Да это и понятно. Ведь мы знаем, что например, Донское Казачество издавна управлялось на принципе народоправства, поэтому понятно, как русским людям было тяжело после падения монархической власти, так и казакам было тяжело раставаться со своим строем правления, когда на них была наложена рука Московии. Глупо будет возражать на это. Всякий здравомыслящий человек поймет, что это святая истина, а читатель не сочувствующий этой статье, наверное, скажет: „ну, да, всяк кулик свое болото хвалит“, я его разочарую тем, что скажу: „я не Донской казак, к сожалению, а человек, любящий Отечество, и чтущий Седую Старину“, но дело не в этом, мне все равно, что про меня будут говорить. Главным образом в этой статье я хотел, чтобы обратили внимание на распад казачества — кадетский корпус, который с недавних времен стал „злойбой днй“ для эмиграции. Она с злобной радостью следит за гибелью казачества в корпусе и приветствует тех, кто способствует этой гибели.

Но пусть не радуются враги казачества; время еще много, чтобы показать всю мощь казака и то время не далеко, когда казак скажет, как это говорилось в старину: „С Дона выдачи нет...“

Тогда восторжествует казак и, подняв гордо голову, торжественно запоет, на Войсковом Круге, святые слова гимна. Тогда и корпус переменит свое лицо и снова начнет выпускать из своих стен офицеров, славных защитников казачьих традиций.

Палий.

Казаки в Македонии (Югославия).

Начиная с 1923 г., казаки затерявшиеся на берегах Вардара, Брегалницы и Охридского озера, в своих попытках образовать станицу в Южной Сербии были беспомощны до конца 1928 г. Зарабатывая себе дневное пропитание у подножья „Шара-планины“, тоскливо наблюдали за переселением диких птиц с Ядрана на берега Черного моря, передавая с их полетом привет Родине. Работая в одиночке на угольных копях, на каменных майданах, на постройках мостов и проведению дорог, они в течении прошедших 6—7 лет потеряли связь со своими казачьими центрами, были лишены литературы и малейшей информации о жизни соотечественников в эмиграции и волею судеб стали забывать родную речь.

В прошлом году на страницах „В. К.“ упоминалось имя деятельного казачьего организатора и первого атамана общеказачьей станицы в Скопле — Якова Степановича Ковгана.

Его труды, энергия и настойчивость помогли станичникам выйти из трудного положения; в декабре месяце 1928 казаки, находившиеся в районах Скопле, Кичево, Струга, Охрид, были сведены в одну семью, в коей в настоящее время насчитывается 120 членов, из них половина семейных, имеющих в совокупности до 30 малышей казачат. Можно надеяться, что в недалеком будущем к Скоплярской станице присоединятся казаки из районов Битоля, Велеса, Штипа и Косовской Митровицы. По отдельным письмам казачков, проживающих в указанных местах, можно судить насколько им необходимо.

В настоящее время Скоплярская станица у местных властей имеет свой регистр, каждому казаку выдано удостоверение на право свободного жительства. Атаман станицы имеет со всеми учреждениями связь, чем объясняется отсутствие среди казачков безработных.

Труд казачков, коим они поддерживают свое существование исключительно физический, — наибольший процент работает слесарями, кузнецами, столярами,

плотниками, малярями, кочегарами, не приходится брезгать положенным сторожа, посыльного, конюха, могильщика и пр. Ввиду большого наплыва в Ю. Сербию рабочих и в то же время приостановке всех городских и частных работ плата минимальная, — при дороговизне же продуктов питания, обуви мануфактуры и в особенности квартир — положение казаков весьма тяжелое; все ж приходится отметить, что и этой возможностью существования они обязаны своему атаману.

Несмотря на свою сердечность и благородные порывы г. Ковган имеет в Скопле врагов от коих терпит неприятности. Так, некоторым господам, нашим соотечественникам, по необъяснимым причинам казачья организация в Скопле была не по душе. Приняв за средство борьбы с этой последней метод московских кухарок, они не замедлили распустить слухи, что казаки готовятся „джигитнуть“ с „Шар-планины“ на Албанскую границу, упоминали о большевизской литературе и еще измышляли разный подобный вздор. Понятно местные власти должны были проверить слухи, с каковой целью вся переписка станицы и казачья литература были опечатаны, а казачий представитель вызван на аудиенцию. Молодой, но быстро схвативший откуда подул ветерок, атаман не растерялся.

На длительном допросе казачий атаман ограничился одной скромной просьбой: весь арестованный материал для перевода поручить лицу знающему наш язык, но только не из числа русских. Его просьба была уважена, а в дельнейшем г-ну Ковгану пожелали успеха в добром деле, при чем вся переписка и литература были возвращены в полном порядке. Кое-кто получил по носу и проглотил пилюлю, на лицах же наших станичников вновь воскресла улыбка...

Печали с одной стороны как будто прошли, теперь начинают казаки жаловаться на неустойчивость нашей внутренней политики. Обижают их политиканы, кои и в настоящее время не перестают видеть себя во сне с министерскими портфелями „единой, неделимой“.

„Неужели они вновь способны подвалить нам“, спрашивают станичники, „неужели казачество не в состоянии проявить своей воли, своих желаний, своих стремлений“, „неужели все наши страдания были напрасны, а в будущем — вновь рабство“...

Нет, говорят казаки, разрешить нашу будущность предоставляем сами себе, и прежде чем протянуть руку Москве или Петрограду, потребуем отчет от них за судьбу наших отцов, матерей, жен и детей. Лицам же, ставящим интерес великоруссов выше интересов своего казачества, задают один вопрос: „где ваша искренность?“

Много разговоров в казачьей среде о посадке их на землю. За последние года тысячи переселенцев из Черногории, Румынии, Венгрии получили свободные земли в Ю. Сербии. Несмотря на крайне тяжелые условия первых лет, в настоящее время поселившиеся раннее крестьяне в Македонии имеют свои богатые и современные села. Было же время, когда скот и лошади, приведенные из Венгрии, буквально все пали, свиньи и птица, не выдержав жары подохла, первые земляные постройки после сильных дождей были разрушены, плуги на каменистой почве переломаны, пшеница сгорала, среди поселенцев начались болезни. Казалось — полный крах, и выхода из него нет. Но упорство и труд в конечном итоге дали свои результаты. Новые села являются образцом культуры для всей Македонии.

По прошествии 6—7 лет поселенцы наполняют ближайшие торговые центры всевозможными продуктами, их села утопают в зеленых садах и виноградниках, в праздничные дни старики идут в свои церкви благодарить Господа-Бога за его щедроты, а сельская молодежь в нарядных костюмах с весельем и смехом становится в круг...

С этим вопросом ежедневно стучатся казаки к атаману, заполняя списки и в Метохию и в Перу и еще куда, лишь бы скорее, не теряя времени, не теряя последних своих сил, сесть на землю.

Петр Апостолов.

1 февраля 1930. Скопле.

Из жизни казаков в Африке.

Каждому из нас хочется знать о жизни наших братьев казаков, находящихся в других странах, а еще больше интересуется жизнь там, где нас мало.

Ниже привожу выдержки — письма, полученного из Африки с иностранного легиона, расположенного в Алжире.

„Страна Алжир находится, как всем известно, на берегу Средиземного моря. Мой приезд в Африку уже второй, после Египта. В Египте был совсем другой климат. Там было жарче, чем здесь. Летом и здесь жарко, но в зимнее время идут дожди и дуют ветры. Но снега до 7/11 не было. Живут здесь как и в Египте арабы, евреи и много испанцев. Конечно есть и французы, как начальство так и войско.

Евреи как и всюду занимаются коммерческим делом арабы и испанцы обрабатывают землю. Растет здесь много пшеницы, но главное это виноградарство. Еще растет здесь много масличного дерева, апельсинового, но таких деревьев, как у нас на Дону, не замечено. Испанцы живут сносно, но арабы бедно.

Я служу в роте телефонистов, телеграф. и радиотелеграфистов. Первые 4 месяца мне было учение. Казаков здесь немного, потому что они больше идут в кавалерию, которая стоит в Тунисе, в городе Сусе. Военной службы почти здесь нету, т. е. винтовку берешь раз в неделю во время стрельбы. Остальное время провожу в классе, учишься как в школе с 7^{1/2} — 9^{1/2}, а после обеда с 1 — 4 часов, после свободен. В 9 часов переключка и в 10 ложимся спать. Встаем в 6^{1/2}, завтрак состоит из 1/4 литра кофе. В 10^{1/2} обед (суп, мясо и еще чтонибудь, когда рис, фасоль, макаронны) и 1/4 литра вина. Хлеба дают 1 фунт в день. Ужин в 5 часов. Пища вообще ничего. Жалование малое, т. е. 25 сантимов в день, на что можно купить только коробку спичек. Казармы хорошие, электрическое освещение, кровать с двумя матрацами, две простыни, два одеяла. Приходится раз в две недели ходить в караул“.

В заключение приходится сказать только то: терпи, казак, атаманом будешь.

Сообщил Г. Алферов.

Успехи казака в Америке.

Всего год тому назад Пражская колония проводила в Америку П. И. Колачева, казака ст. Атаманской Сальского округа ВВД., и уже с удовольствием приходится отмечать его успехи в Америке.

Колачев-агроном, получивший образование, как и многие другие казаки, в Праге, но кипучая энергия и любовь к своему делу дали возможность ему преодолеть все материальные и формальные трудности и поехать в Америку, оставив в Праге свою семью, которую ему необходимо было оттуда поддерживать.

Пройдя все случайные стадии эмигранта в Америке, от церковного дьячка до ресторанный служащего, он за год хорошо овладел языком, не оставляя своих исканий в области своей специальности.

Труд и терпение, как и всегда, дали хорошие результаты. Пять месяцев тому назад Колачев получил место ассистента Колумбийского университета и одновременно принял приглашение богатой американской фирмы „Дейтри и Ко“ в городе Линкольне для организации лаборатории по анализу молока и фруктовых соков. В этой области наш казак делает новые опыты, удача которых сулит весьма осязательные материальные последствия, как самой фирме, так и изыскателю.

Дай Бог успеха казаку!

С. Б.

Казаки в Ломе.

Усть-Ломская обще-казачья станица зажила своею казачьею самостоятельной жизнью. В конце января общество станицы заарендовало дом под станичное правление. В доме этом казаки начали ютиться, как в собственном вольные птицы гнездышке.

После недолгих рассуждений попросили Атамана станицы изыскать средства для открытия в доме не-

большого буфета. Атаман великолепно оборудовал буфет с холодными закусками. Предполагается при казачьем доме открыты столовую и кассу взаимопомощи.

Казачи довольны начатым делом и всякий вечер собираются в майдане станичного правления и обсуждают свое житье-бытье за границей. Вспоминают свой родные станицы и хутора, где осталось все милое и дорогое. Нередко со слезами на глазах казак рассказывает присутствующим о том, как он ходил в школу, был погонячем, потом стал плугатырем, ездил малолетком на учение к инструктору Антипову. Майские лагеря в хут. Сетраковом и, наконец, действительная служба в 11 Дон. каз. полку. После войны с большевиками эвакуация армии.

Так с 1912 г. он не видел своего родного хутора В.-Антипова и не знает, что случилось с женою Вареной и сыном Андрюшею.

Приятно всякому поделить свою радость и своим горем в кругу своих близких станичников, а их можно встречать часто только в своем станичном правлении.

При станице организован хор песельников и танцоров.

24 февраля, 1930 г.

Г. Лом.

Н. Егоров.

Казачи в Уздине.

В области Банате, в чисто румынском селе Уздине, живут и работают около 30 человек казаков, исключительно донцов и из одной станицы, Нижне-Курмоярцы, во главе со своим атаманом Кондрашевым. По летам большею частью все старики, но есть и молодые. Эта группа крепко сохранила свой особый казачий дух, все разговоры — о Тихом Доне, все с удовольствием читают „Вольное Казачество“ и одобряют.

Лето они проводят преимущественно на полевых работах у местных жителей, а зиму — кто бондарит, кто слесарит, сапожничает и т. д. Одним словом на все способны и не пропадают и ничего ни у кого не просят. Живут они очень дружно, показавшись спаяно, несмотря на то, что многие и женаты здесь на местных красавицах (живут 8 лет), но не забывают ни свой язык, ни наш казачий обычай. Эти люди, хоть сто лет проживи здесь, останутся казаками. Этого у них не вытравишь. Берите пример казаки с Курмоярцев, как нужно жить в изгнании, чтобы не потерять свое казачье обличье.

А. Г.

Казачьи работники.

Георгий Васильевич Алферов, казак ст. Есауловской Дон. В. В последние годы эмиграции жизнь и деятельность его протекала в селе Орловате (Банат). Деятельность Алферова незаметная, но очень полезная и если у нас, у казаков, было бы Алферовых больше, то тяжесть эмиграции была бы нам облегчена и меньше чувствовалась бы наша сиротливость.

В селе этом Алферов жил два с половиной года и заслужил, как казак, весьма хорошее отношение местного населения. Все окрестные казаки как-то сами собой тянулись к этому молодому казаку и сбились вокруг него в единую казачью семью. Каждый приходящий к нему всегда находит привет и ласку, стол и дом, добрый совет и посильную помощь. Сделать своему казаку пришедшему к нему, что-нибудь доброе для Алферова — обязанность, которую он с удовольствием выполняет.

На много десятков верст казаки знают Алферова и всегда, в свободные дни, тянутся к нему так как у него, кроме доброго товарища, станичника, все с удовольствием узнают все события в казачьей эмиграции, так как Алферов всегда имеет почти всю казачью периодическую печать и охотно ей со всеми делится.

Теперь он из хутора переехал, но я уверен что и там вокруг Алферова по-прежнему собьется казачья семейка и опять он будет нести неугасимый свет казачьей взаимной любви и поддержки, чем много будет способствовать поддержанию и сохранению в казачьих

сердцах чувства казачьего самосознания и крепости духа. Дай тебе Бог здоровья, хороший казак, и дай Бог нам Алферовых побольше и тогда долгое изгнание нам не страшно.

П. Д.

Г. В. Алферов.

В Братиславском хуторе (ОКСС).

8-го февраля с. г. состоялся очередной годичный сбор Братиславского хутора ОКСС. Новое Правление было избрано в составе: Атаман — П. Д. Растворов; пом. атамана (писарь, казначей и библиотекарь) — Ив. Ст. Бойко. Кандидатом в Правление — В. Н. Дронов. В ревизионную ком. вошли: С. А. Желдаков (председатель); И. Н. Паралонов (секретарь); А. Л. Персидсков (кандидат).

Двуличный состав Правления и Ревиз. ком. обьясняется ограниченным числом членов хутора, живущих в Братиславе... Новая конструкция исполнительных органов хутора предусматривает разрешение более серьезных вопросов на пленарных заседаниях. В числе прочих вопросов, в текущих делах был поднят и вопрос об отношении хутора к редакции журнала „Казачий Сполох“, в связи с появлением на страницах журнала (№ 19—20): 1) провокационных строк в статье г-на Чапчикова „Памяти павших“, оскорбляющих достоинство Войскового Круга; 2) легкомысленных фраз в письме бывшего „общественного деятеля“ П. Колачева и 3) выпадов, направленных в адрес „Вольного Казачества“, в передовой статье. По пункту первому и второму сбор постановил единогласно: протестовать самым категорическим образом. По пункту третьему было вынесено принципиальное постановление, напоминающее Ред. журнала „К. С.“, что согласно решению VII станичного сбора ОКСС., журнал „К. С.“ является органом безусловно аполитичным и передовая статья № 19—20 журнала является, поэтому, нарушением этого постановления. Настоящий состав хутора 15 человек.

Иван Бойко.

Bratislava.

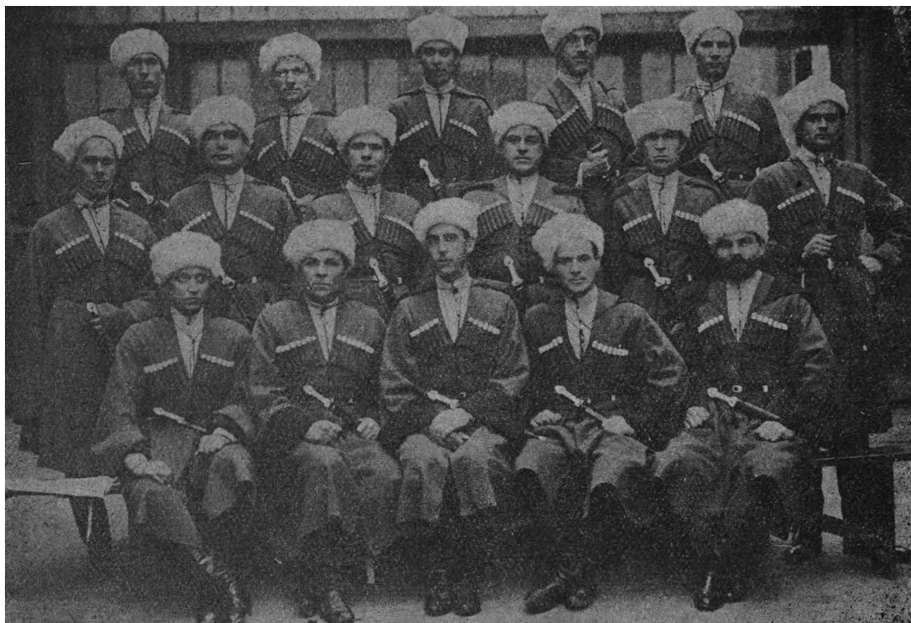
P. S.

В первых числах февраля с. г. Братиславский Университет по медицинскому факультету окончил член хутора, кубанец: М. А. Чайка.

Хороший пример.

Виленская группа казаков в день кончины Атамана А. М. Каледина собрала 65 злотых в пользу нуждающихся казаков-студентов. Деньги эти присланы в распоряжение редакции „В. К.“, которая и поделила их пополам между двумя казаками-студентами: С. (донец) и Р. (кубанец).

Большое спасибо инициаторам этого хорошего дела.

Хор Кубанской станицы в Париже.

Большое спасибо!

Полковник Иван Яковлевич Подпорин приносит искреннюю благодарность всем собратьям-казакам, откликнувшимся на постигшее его несчастье (см. „В. К.“ № 49).

Откликнулись :

1. Стащенко (Франция) 100 фр., 2. Карп Карнаухов (Югославия) 200 дин., 3. Свящ. А. М. Васильковский 20 дин., 4. Есаул А. Дюк 20 дин., 5. И. Т. Карнаухова 10 дин., 6. Е. К. Кривец 20 дин., 7. Есаул А. А. Плужников 10 дин., 8. А. П. Чаус 10 дин., 9. А. Ф. Гринько 10 дин., 10. Сич (Канада) 1 долл., 11. П-есаул А. С. Тырин (Германия) 1 марка, 12. Вахмистр Д. Ф. Тырин 1 марка, 13. Н. Зайцев (Германия) 785 лей, 14. П-есаул Е. М. Якименко (Франция) 105 фр., 15. Собрал А. Попов (Югославия) 400 лей, 16. Собрал И. А. Дудинов (Румыния) 1020 лей, 17. Войск. ст. Клернес (Румыния) 100 лей.

Представитель „Вольного Казачества“ в Румынии 16-И-1930.

В. П. Елисеев.

Р. С. От редакции: через редакцию „В. К.“ для полк. Подпорина поступило от г. Салтавца (из Франции) 10 фр., от г. Сотникова (из Франции) 10 фр., от г. Кулика $\frac{1}{2}$ канадск. долл. и от Сандра из Канады 2 кан. долл., всего 106 корон чешск., которые и переданы по принадлежности через представителя журнала „В. К.“ в Румынии г-на В. П. Елисеева.

Казачья Елка.

11 января 1930 г. — памятный день для Братиславской казачьей колонии. В этот день мы имели свою собственную казачью Елку.

Событие это заслуживает внимания уже потому, что казачья Елка в Братиславе была устроена в первый раз. В устройстве праздника приняли участие все казачьи организации в Братиславе: Донской Казачий хутор, Студенческий общеказачий хутор и Вольно-Казачий, Юрия Гончарова курень. Не хвалясь, можно сказать, что почин удался на славу!

Убор Елки, декорация зала и столов: казачьими флагами, гербами, зеленью и фруктами — были вне критики... Праздничество началось с „детской Елки“. Правда, к стыду нашему, должен заметить, что вообще детей-казачат у нас „как кот наплакал“ — их было всего шесть человек. Это, однако, нисколько не уменьшило торжественности праздника и темпа веселья... Дети кроме удовольствия от танцев и беготни вокруг елки, по-

лучили подарки и гостинцы, каждый по своему возрасту и вкусу.

„Елка для взрослых“ была открыта речью Н. М. Минаева и пением Донского Войскового гимна. В дальнейшем гимны сменялись песнями и песни музыкой и танцами...

Поздней ночью разошлись казаки, унося с собой с одной стороны чувство удовлетворения и душевного спокойствия, с другой стороны чувство сожаления, что праздник казачий уже кончился...

Можно быть твердо уверенным в том, что и последующие праздники Братиславская казачья колония будет проводить вместе, укрепляя чувство казачьей солидарности и сознание, что все мы — казаки — дети одной казачьей семьи...

И. Бойко.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Не откажите в любезности напечатать в ближайшем номере Вашего уважаемого журнала „В. К.“ ниже следующее письмо.

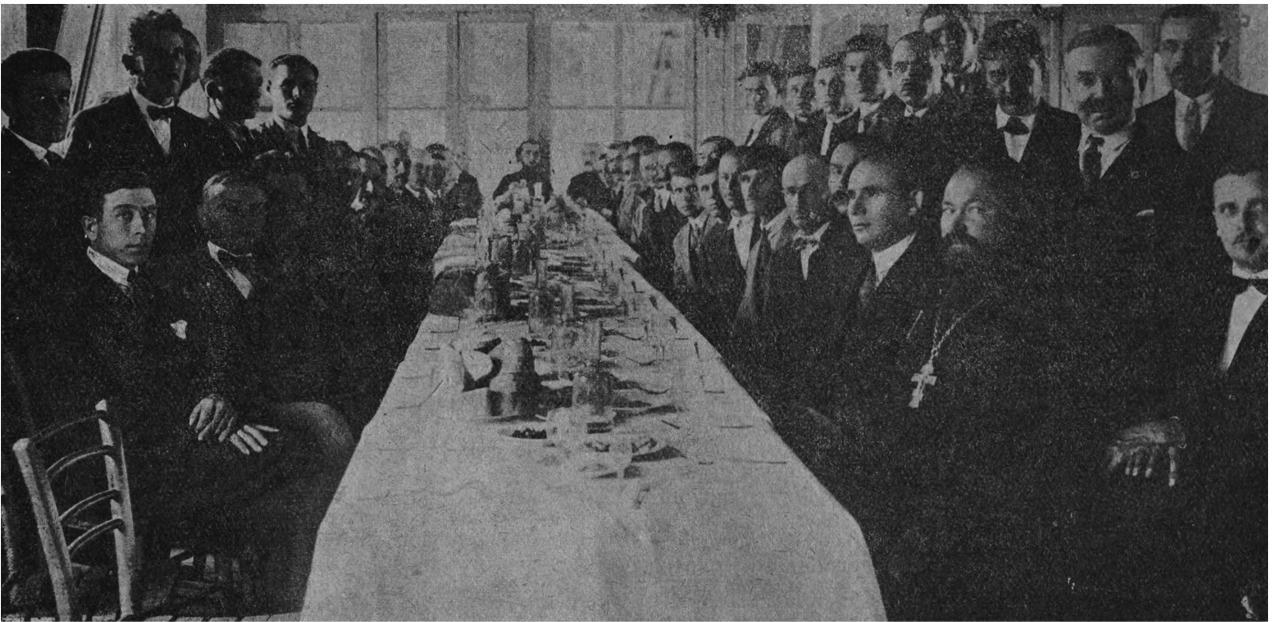
Калмыцкая Комиссия получила много поздравлений от калмыцких организаций в эмиграции и от отдельных лиц с нашим национальным праздником Цаган. Многим Комиссия ответила, но не имея возможности всем выразить свою искреннюю благодарность письмами, настоящим приносит всем калмыцким организациям и всем лицам, внесшим свою лепту на устройство указанного праздника, а также приславшим нам свое братское поздравление с праздником, душевную, искреннюю благодарность за отзывчивость к судьбе калмыцкой учащейся молодежи и доверие к Калмыцкой Комиссии.

Председатель: **Б. Уланов.**

Секретарь: **Э. Буркульдушов.**

Праздник Бургасской казачьей станицы.

Бургасская станица в октябре минувшего года впервые отпраздновала организованным образом Войсковой праздник Дона и Кубани. Атаман станицы полковник Я. М. Лобачов взял инициативу, станичный сбор согласился и начались приготовления. Донец-есаул Ершов организовал из молодых казаков хор и начались спевки. Уже за долго до праздника разнесся по городу слух о казачьем вечере-бале и многие из русской колонии скептически относились к возможному успеху нашего вечера. Но, слава Богу, казаки не ударили лицом в грязь.

Бургаская казачья станица. Обед в день Войсковых праздников.

Вечер удался блестяще, успех был полный. Уже за долго до начала концерта зал, живописно украшенный картинами от руки есаула Ершова и Донского художника хорунжего Похлебина, был полон. Картины все родные, навевающие приятные воспоминания о родине. Вот висит Войсковой собор, там портрет Платова, здесь Каледина...

К началу концерта в зале уже не хватало места. После официальной части, програмная часть началась выступлением хорошо спевшегося хора ес. Ершова, который спел Донской и Кубанский гимны, „Много лет Войску Донскому“, „Что кормилец наш, Дон Иванович“, „На устьи Дона Тихого“ и др. казачьи песни.

После пения грянули „Посею лебеду на берегу“ и

закружились казаки в лихом „казачке“, закончившемся под гром и бурю аплодисментов всего зала.

Затем была поставлена картинка из жизни казаков на Лемносе, прошедшая тоже с большим успехом. Эта картина сопровождалась пением хора „Поехал казак на чужбину далекую“. По окончании програмной части начались общие танцы.

Казачья вечеринка продолжалась до утра. Много далеких воспоминаний, много приятных минут доставил казакам этот вечер. Все уходило и уносило приятное сознание своего казачьего единства и родства, все опять с гордостью почувствовали себя казаками, сынами Вольного Казачества.

Терешкин. (Бургас, Болгария).

В Казачьих Землях.

Судебные бригады.

„Экон. Жизнь“, 2 февраля печатает телеграмму из Ростова на Дону, в которой сообщается, что краевая прокуратура в виде опыта организовала пять бригад для проверки выполнения посевных мероприятий в станицах. В состав каждой бригады входят следователь, народный (!) судья и работник милиции (остается предположить, что все эти, с позволения сказать народные судьи будут сопровождаться и соответственным количеством работничков из ГПУ). Кроме того в начале февраля организовано 8 бригад для проверки работы прокурорского надзора в районах сплошной коллективизации.

Без семян перед посевом.

Из Ростова сообщают „Экон. Жизнь“, 2 февраля, что в Сев.-Кавказ. крае сбор обобщественных семенных фондов идет чрезвычайно медленно: наиболее угрожающие округа — Донской, Сальский, Армавирский, Ставропольский и Кубанский.

Несмотря на то, что по отдельным районам станичных округов (Терек, Шахты, Сальск, Ставрополь) животноводство в катастрофическом состоянии, местные ком'ячейки не приняли мер к практическому осуществлению директив партии. Крайком партии предлагает к 1 марта закончить организацию кормовых фондов и повести решительную борьбу с разбазариванием скота, развернуть практические мероприятия по под'ему животноводства.

„Позорные цифры“.

Под таким заглавием „Экон. Жизнь“, 31 января помещает телеграмму из Ростова о состоянии краевой промышленности: „промышленность края недопустимо отстает от промышленности СССР. По сравнению с прошлым годом промышленность края уменьшила рост выпуска продукции и производительности труда. Задавание по снижению себестоимости краевая промышленность выполнила лишь на 53 проц. Производительность труда при годовом задании в 28⁰/₁₀₀ выросла лишь на 6⁰/₁₀₀“.

Председатель краевого совета профессиональных организаций Черемухин выступил в газете „Молот“ с резкими обвинениями против крайсовнархоза. СНХ не сделал политических и практических выводов из создавшегося положения и постарался все свалить на объективные условия. Действительные причины прорывов в промышленности кроются в плохой работе хозяйственных, профсоюзных и партийных организаций.

Донос на гетмана злодея.

„Экон. Ж.“, 31 января сообщает, что бригада наркомзема, находящаяся на Сев. Кавказе в станице Изобильной обнаружила, что в многих станицах влияние кулаков еще весьма значительное. У кулаков не отобрано имеющееся у них оружие (например в Терновке), которое они угрожают пустить в ход. Бригада наркомзема из Медвежинского округа Сев. Кавказа сообщает,

что кулаки в виду запрещения убоя скота, прибегают к вредительским действиям и калечат рабочий и молочный скот, ставя местные власти перед необходимостью разрешать его убой. Кулаки уничтожают даже импортный скот.

Планетарные достижения.

На 25 января коллективизировано в Сев. Кав. крае 48 процентов хозяйств. В районах первоочередной сплошной коллективизации колхозы уже объединяют 52 проц. хозяйств.

Квартиры... тридцать пять тысяч квартир.

С беззаботностью чисто хлестаковской из Ростова сообщают „Эк. Жизни“, 18 января о том, что в донском совхозе „Гигант“ в предстоящем сезоне „одних только новых квартир будет построено тысяча двести, по 1—2 и 3 комнаты, со всеми удобствами (душами, ваннами и т. д.)“. Не слишком ли буржуазные квартирки собираются строить совхозоустроители? Разрушить сотни тысяч „кулацких“ хат совхозные Хлестаковы, конечно, разрушат, в этом сомневаться не приходится, но в их „квартиростроительные“ способности охотников уверовать вряд ли отыщешь хотя бы и днем с огнем.

Усердие не по разуму.

„Правде“, 6 февраля, сообщают из Ростова о том, что за последнее время известия о приеме агентами рудметаллторга в качестве лома пригодного сельскохозяйственного инвентаря приняла тревожный характер. Об этом сообщают из станции Донского, Кубанского, Армавирского и других округов. „Кулаки-вредители“, умышленно уничтожающие сельско-хозяйственный инвентарь, встречают полную поддержку со стороны агентов рудметаллторга. В некоторых местах последние сами разбирают целые части машин, приводя их в лом. Правление ново-джерелиевского полеводческого товарищества разбило и продало как лом 14 жаток. Обследованием установлено, что разбитые жатки были вполне пригодны для работы.

Как проводится на местах „раскулачивание“.

Московская „Правда“, 31 января дает подробную сводку сведений с мест о борьбе с последним еще не приконченным капиталистическим классом — „Кулачеством“ в Казачьих Землях. По данным этой сводки в Хоперском округе сплошной коллективизации (постановлением наркомзема СССР Хоперский округ в одну из первых очередей переводится на сплошную коллективизацию и объявляется показательным, т. е. образцовым, округом сплошной коллективизации) на территории, охваченной колхозами, „кулаки“ выселялись, при чем им давали худшую землю. „Кулацкий“ инвентарь передан колхозам. Сотни „кулаков“, наиболее злостных, выселены за пределы Хоперского округа.

В Майкопском округе у всех владельцев табачных плантаций отобрали весь инвентарь и постройки. Средства производства переданы в колхозы, дома использованы для „общественных“ организаций.

В Батайском районе Донского округа „кулаки и подкулачники“, как выражается „Правда“ вели бешеную агитацию против вступления в колхоз. По сдинодушному требованию бедняков „кулаки и подкулачники“ были арестованы.

В колхозе „Октябрь“ Кубанского округа „кулакам“ при землеустройстве были отведены участки на отделенных землях в разных концах колхозного поля. „Кулаки“ не захотели обрабатывать неудобную землю и решили распродать все свое имущество и перебраться в другое место, чтобы вступить там под видом бедняков в колхозы. „Беднота“, узнав об этом, настаивает на высылке „кулаков“ и о отобрании имущества в колхоз.

На линии огня.

Из Краснодара (Екатеринодар) „Правде“, 25 января, телеграфируют: „хищническое истребление скота в округе продолжается. Кулаки и зажиточные массы продают скот на убой. Из Тихорецкого района сообщают, что население умышленно доводит до истощения лошадей“. Рядом с этими строками в том же номере газеты читаем сообщение из Ростова: „Общие собрания хлеборобов сел и станиц Кущевского района, Донского округа, вынесли решения, одобряющие постановления центрального комитета компартии о ликвидации кулачества. Собрания просят районные и окружные организации выселить всех кулаков с территории района, который в течение ближайшего же времени должен быть коллективизирован на 100 процентов. Такие же решения вынесены целым рядом сел и станиц других районов края.“

Из письма оттуда.

I.

Дорогой Хома,

... Я получила за эти годы несколько твоих писем, но отвечать на них не могла, а потому не могла дать о себе весточки. Здесь все письма за границу вскрываются, а лица, получающие письма из за границы, или имеющие там родственников и поддерживающие с ними связь, берутся на особый учет, грозящий в случае чего весьма тяжелыми последствиями.

В анкетах, заполняемых при поступлении на службу, имеется даже специальная графа с вопросом о том не имеется ли родственников за границей. Поэтому такой факт приходится скрывать и теперь ты, конечно, поймешь, почему я тебе не отвечала.

Когда мы получали твои письма, да еще с обозначением „собственный дом“, мы просто приходили в ужас, ибо имение дома здесь тоже уже своего рода преступление, делающее тебя „нетрудовым элементом“, со всеми вытекающими отсюда последствиями, т. е. лишением возможности служить, пользоваться квартирой, хлебом и пр. по нормированным ценам и т. п.

Вообще это тогда уже не человек, не полноправный гражданин, а отщепенец и парий. Дом (наш бывший) конечно отобрали, „муниципализировали“. „Обобрали нас дважды до нитки — в 1920 г. и 1921 г.“ в порядке „ущемления буржуазии“ и из дома выкинули.

Живем мы все время после этого по квартирам, т. е. в одной комнате, т. к. здесь редко кто имеет больше. И это несмотря на то, что Б. В. с момента прихода Сов. власти сюда все время служит (8 лет) то юрисконсульт в разных учреждениях, то советским нотариусом. Служба давала только на кусок хлеба. Теперь Б. В. уже второй год безработным. Все прожито, продано до нитки и теперь зачастую голодаем, голые и босые. Один кошмар.

Ты бы ужаснулся, если бы увидел, в каких условиях мы сейчас находимся. От всего пережитого я уже седею, страшно похудела, вся иссохла, кожа да кость. Б. В. бел, как лунь. Найти работу, службу здесь сейчас невозможно, а тем более для немолодого человека, каким является Б. В. Всюду „режим экономии“, сокращения штатов, и чистка советского аппарата от „сора и мусора, чуждого элемента“, т. е. старых чиновников и вообще интеллигенции.

Достаточно быть бывшим дворянином, чиновником, сыном домовладельца, бывшим офицером, чтобы быть немедленно выброшенным со службы без права поступления вновь.

Кругом стоит стон и один ужас. Принимают на работу: партийных, комсомольцев (коммунистическую молодежь), демобилизованных из красной армии, вообще лиц „пролетарского“ происхождения.

Кроме того проводится „орачение“ аппарата, т. е. влитие в него рабочего элемента. А в этом аппарате и делать то сейчас нечего, все одна видимость работы. При этих условиях тебе станет ясно, можно ли и легко ли получать службу. Кругом мертвечина, полный застой; частная торговля совершенно убита фантастического размера налогами, частных магазинов в

городе нет, уцелели лишь единичные лавченки на базарах. Бывшие купцы частью высланы в Нарым или Соловки, частью сидят по тюрьмам.

Взамен пытаются развить кооперацию, в которой ничего нет и у которой бесконечные очереди. Хлеб получаем (это на Кубани) по заборным книжкам, по $\frac{3}{4}$ фун. на человека, хлеб с ячменем и кукурузой, совсем темный. Сахару нехватка, мыла тоже и, наконец, соли. Мануфактура, которой почти тоже нет и качество которой ниже всякой критики, выдается тоже по карточкам, для чего нужно быть членом кооперации. Книжки на хлеб, мануфактуру и пр. выдаются лишь трудовому элементу. Вообще рай, которого не пожелаешь и врагу.

Что будем делать дальше, как существовать и жить, сама не знаю. Безработных, а теперь и „вычищенных“ полно везде. Люди бродят, как тени и не знают, что им делать. Масса самоубийств и сумасшествий на этой почве. Все воют и стонут и ругаются. У всех на уме один вопрос — когда же это, наконец, кончится. Если будешь нам писать, пиши от женского имени, без указаний на родство и только открытки самого невинного содержания... Все часто болеем.

Любящая Тебя Н...

II.

...Завелось багато вош і блох і вже об'їдають волосся на голові, а гребінця такого не находиться щоб

було вичесать... Закип'ятити води — нема такої посуду, щоб податрять...

Новости у нас все старые, но немножко почув, шо 30 год должен перевернуться вверх ногами, а там — Бог знает, може і стоятеме як стовп, а може перейде далі на 1-й, або на 2-й..

...Пережили день — слава Богу, пережили ночь — слава Богу...

И. Ф. (Кубань).

III.

.. Вы пишете, что для нашей болезни надо выписывать лекарства из заграницы. Но мы в начале болезни хотим достать докторов, а так как мы люди не развитые, то не знаем, куда обратиться за помощью, а потому покорнейше прошу прописать мне подробно, где можно достать такого лекарства, когда оно может быть выслано и проходит ли что из лекарств в наше государство...

Н. Н. (Дон).

IV.

...У нас сильно свирепствуют болезни. На душе от болезни скорбь... Жизнь вся наша болезненная, от этой болезни трудно нам. Ждем лекарств...

(С Дона).

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Польша. — В. Е. — Журнал „В. К.“ впредь будет выходить регулярно 10 и 25 числа каждого месяца. Привет всем.

Париж. — В. К. — Просьба исполнена. Привет.
Канада. — А. Б. — Все получено. Спасибо. Привет.

Под Прагой. — Н. Л. — Получено. Привет.

Польша. — К. — Посылается. Привет.

Польша. — А. С. — Посылается. Привет.

Калиш. — Нач. К. — Все врозь. Вітаємо.

Болгария. — А. Ш. — Впредь журнал будет посылаться аккуратно. Привет.

Югославия. — А. Г. — „Конокрады“ получены. Привет.

Румыния. — Е. Е. — Получено. Хорошо. Привет.

Харбин. — А. Г. — Получено письмо, получена

и газета, спасибо. Ответ будет. Искренний привет всем сибирским казакам.

Франция. — В. Ф. — Просьба исполнена. Привет.

Польша. — В. Е. — Письмо от 27-II и „приложение“ получены. Спасибо.

Пасов. — Н. К. — Посылаем. Привет.

Париж. — Д. В. — Получено. Привет.

Болгария. — И. У. — Понемногу все уладится. Привет.

Франция. — И. С-а — Все послано. Привет.

Польша. — И. Н. — Посылается. Привет.

Братислава. — Г. Е. — Получено. Вам — все послано. Привет.

Марсель. — С. Ш. — Получено. Спасибо. Всем — искренний привет.

Франция. — С. — Присланная фотография — слишком неясная, а потому и не могла быть использована. Привет.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“.

Печатается книга Ис. Ф. Быкадорова

История Казачества

Кн. I: Происхождение Казачества. Возникновение республик Вольного Казачества — Донского, Волжского, Яицкого и Терского Войск. Основные черты их бытия в период государственной независимости (1549—1671 г.).

Обращаться по адресу редакции „В. К.“: Praha XII, Radhoštská, 9.

Цена 20 корон ч.-сл. (0.60 ам. долл.).

Вышел и поступил в продажу

Календарь-Альманах

„Вольного Казачества—Вільного Козацтва“

на 1930 год

Цена Календаря-Альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгании — 50 лева, в др. странах $\frac{1}{2}$ ам. долл.

Каждый казак должен иметь казачий календарь на 1930 год.

„КАВКАЗСКИЙ КАЗАК“

ежемесячная информация в 16 печ.
страниц о жизни казачества

Подписка открыта с 1-го июня 1929 г.

Югославия Болгария Чехослов. Франц. и др.

На 1 год . . . 30 дин. 75 лева 20 крон 15 фр.

На 6 мес . . . 15 дин. 40 лева 10 крон 10 фр.

Цена отдельного номера в продаже — 3 динара.

Адрес Редакции: Београд, Неманьина ул. бр. 26.

Открыта подписка на 1930 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лев.
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	$1\frac{1}{2}$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.